П. ЗАВОДЧИКОВ, Ф. САМОЙЛОВ

ВЗРЫВА НЕ БУДЕТ

Д

П. ЗАВОДЧИКОВ, Ф. САМОЙЛОВ

ВЗРЫВА НЕ БУДЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАД 1971

ХУДОЖНИК Н. КОЧЕРГИН

Р2, мл
3—13

7—6—2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дорогие ребята!

То, что вы прочтёте в этой книге — не выдумано. Авторы рассказывают об истинных, памятных им событиях.

Осенью тысяча девятьсот сорок первого года, в первые месяцы войны, на передовых позициях обороны Ленинграда появились новые, специальные посты сапёров.

Сапёров называют тружениками войны. Они строят укрепления, наводят переправы, ставят мины. Как правило, сапёры вооружены винтовками, автоматами, лопатами и приборами для поиска мин. Но те, о которых рассказано в книге, имели ещё и «живую технику». Так в отдельном инженерном батальоне называли собак, которые стали незаменимыми помощниками минёров. В батальоне собак учили многому: возить раненых, держать связь под огнём, но больше всего — искать мины.

К этому новшеству многие вначале относились недоверчиво. Шуточное ли дело — научить собаку отыскивать взрывчатку, да ещё при грохоте снарядов и пушек. . .

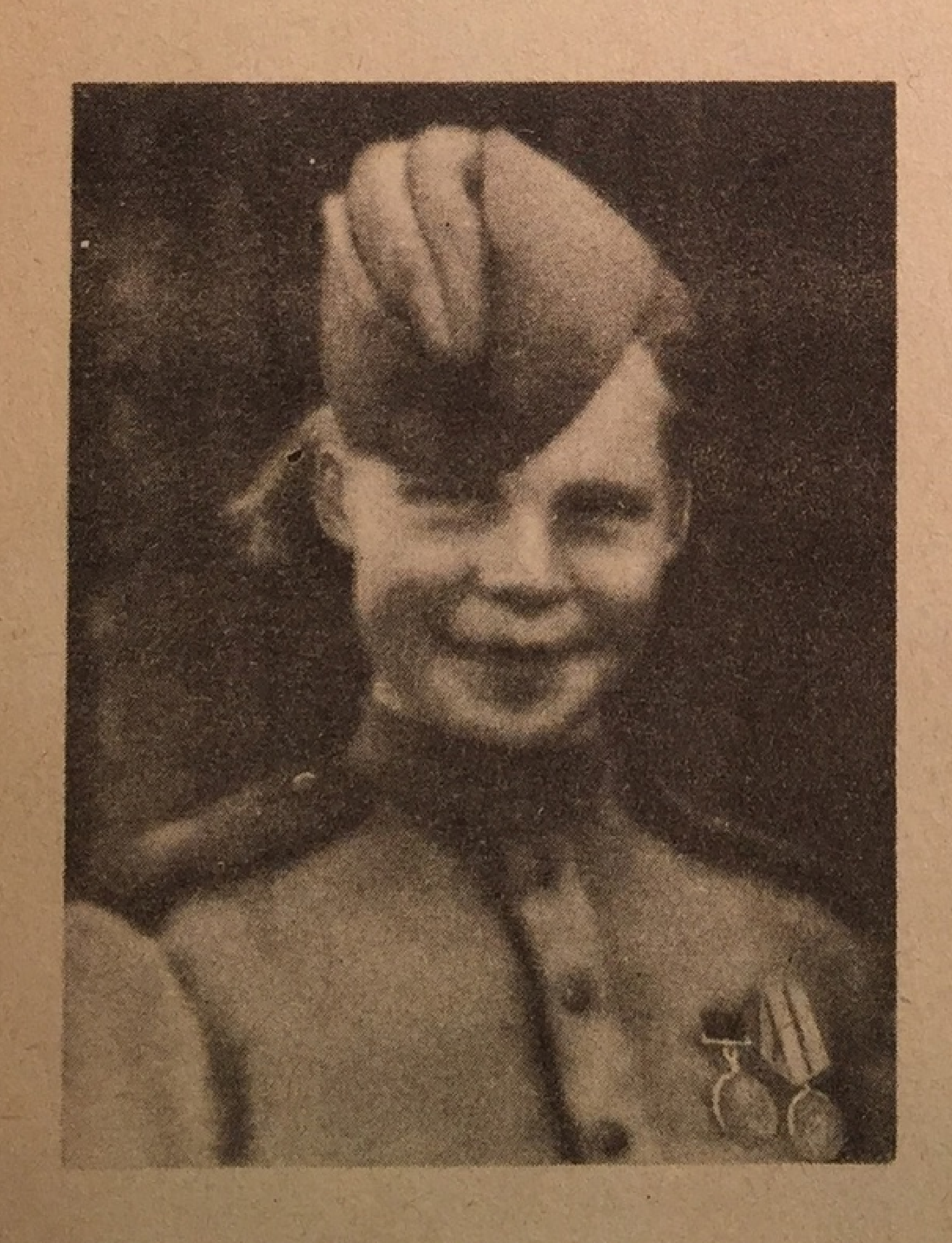
В инженерном батальоне служило много девушек. Это были комсомолки, ленинградки, добровольно пришедшие на фронт.

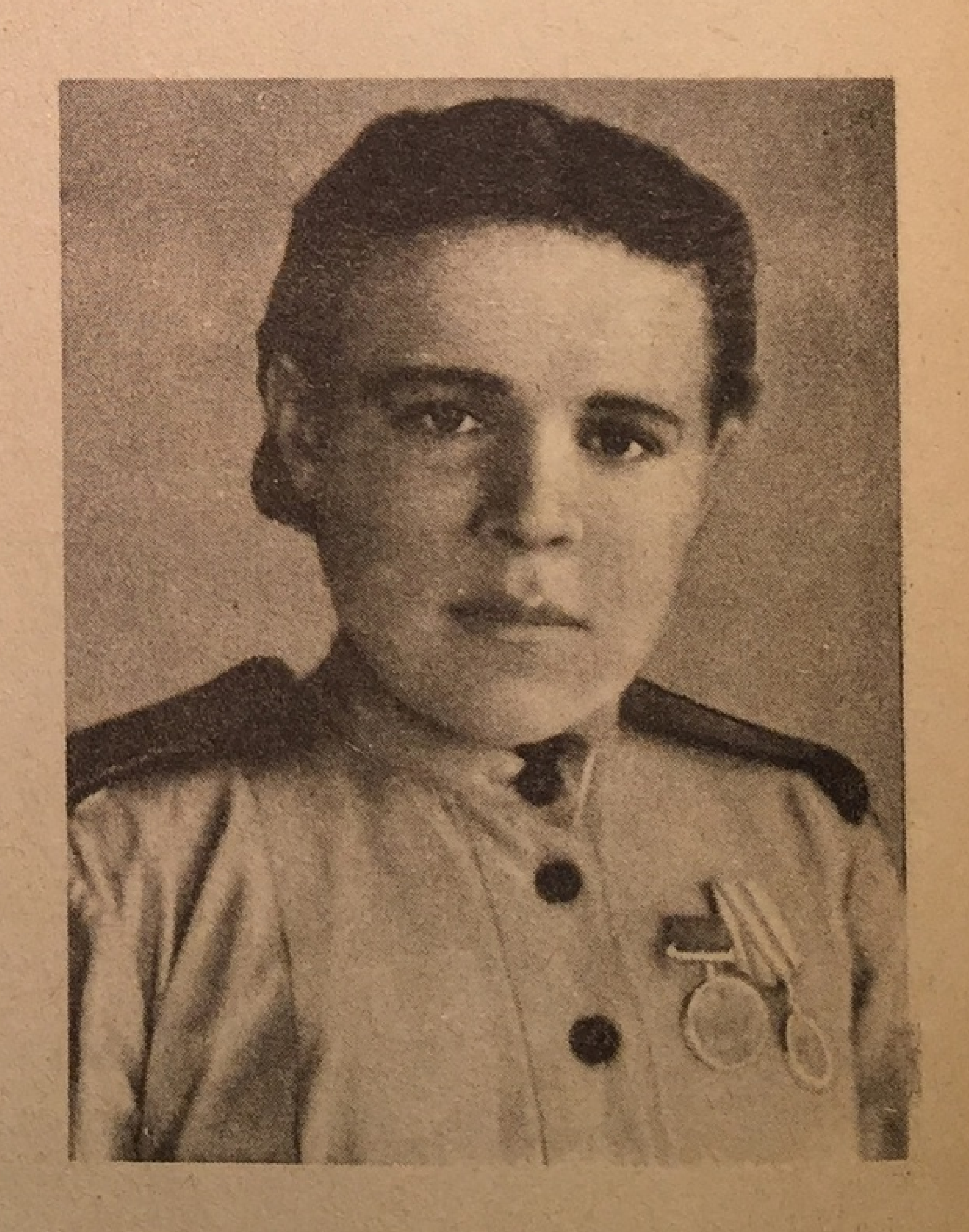
Рита Меньшагина.

Валя Глазунова.

Валя Корнеева.

Зина Филимонова.

Группа девушек-минёров. 1943 г.
В первом ряду, четвёртая справа, сидит командир отделения Вера Александрова.

Собаки-миноискатели. Слева направо: Дик, Джейк. Жук, Дейка, Инга. Миг.

Один из авторов, Пётр Алексеевич Заводчиков — бывший командир батальона, куда входила «девичья команда», вспоминает, что девушек признали не сразу. Многие сомневались, смогут ли они стать настоящими минёрами. Ведь мины — это всегда опасность. Это — притаившаяся смерть. Нужно обладать огромной выдержкой, смелостью и силой, чтобы стать минёром. А тут ещё непривычное для всех дело — обучать собак поиску мин. Справятся ли девушки с такими трудностями?

. . . Вскоре слава о «девичьей команде» и их четвероногих помощниках пронеслась по всему ленинградскому фронту. О них слагались легенды.

О работе девушек-минёров рассказывают авторы в своей книге. В ней все имена подлинны. Рита Меньшагина, Вера Александрова, Нина Бутыркина, Валя Корнеева — это герои из «девичьей команды». Всё, что происходило с ними и с их верными спутниками — Жуком, Орликом, Мишкой, было на самом деле.

У русских солдат издавна существовал святой закон: «Сам погибай, а товарища выручай!» Он был и у сапёров. Многие не вернулись с войны.

«Девичьей команде» авторы посвящают эту книгу.

1

ПОВЕСТКА

В тот июньский вечер Рита вернулась из прачечной поздно, ещё позже, чем всегда. Рита очень устала, опухшие ноги неохотно слушались её. Она работала в прачечной целыми днями. В больших глубоких котлах булькала серая вода, покрытая крупными пузырями. Бельё медленно ворочалось, как живое, но Рита хорошо знала: никакое оно не живое, обыкновенные рубахи и штаны. Их приходилось своими руками наваливать в котлы, потом вытаскивать оттуда, хотя от воды штаны и рубахи становились тяжёлыми и непослушными.

После блокадной зимы Рита быстро уставала. Она была слаба, но никому не говорила об этом. Разве другим легче, разве у других сохранилось больше сил?

Все работали, и не по восемь часов, как до войны, а по двенадцать или ещё больше — пока не сделают того, что нужно сегодня. Всякая работа в блокадном Ленинграде была важной, всякая работа была фронтовой.

Рита медленно шла по пустынным улицам, привычно слушала отдалённый грохот рвущихся снарядов. Потом грохот усилился, стал совсем близким, он накатился на улицы, по

которым лежал её путь. Рита ускорила шаг, и тут её остановила женщина с повязкой на рукаве.

— В укрытие! Не слышишь, что ли? — строго сказала женщина и потащила Риту под арку ворот.

— Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение транспорта прекратить! Населению укрыться! — Повторяла уже в который раз серая труба громкоговорителя.

— Вот ещё, укрываться! — сказала Рита. — Не первый день стреляют, кажется, давно привыкли.

Несколько разрывов раздалось почти рядом. Один снаряд попал в дом напротив. На мостовую посыпались кирпичи, зазвенели остатки стёкол в давно разбитых окнах.

— Туда! — крикнула женщина. — Надо помочь людям.

Они побежали через улицу к дому, над которым поднималось густое, тяжёлое облако розово-серой пыли.

— Жертвы есть? — запыхавшись, спросила женщина у дежурной по дому.

— Не должно быть на этот раз, — сказала дежурная. — В пятый этаж угодило, а наверху никто не живёт. Всех переселили вниз. Там всё-таки, сама знаешь, опасность меньше.

— Ну, хорошо, — сказала женщина с повязкой и повернулась к Рите:

— А ты, девонька, такие слова брось — «ещё укрываться, привыкли». Ранит тебя или убьёт зря, кому выгода? Одним фашистам. Так мы им, кажется, не собираемся помогать.

Она не позволила Рите уйти, пока не прекратился обстрел. Поэтому Рита и пришла домой так поздно. Привычно вставила ключ в круглую сердцевину дверного замка и вдруг заметила, что в дырочках почтового ящика что-то белеет.

«Неужели письмо?» — У неё замерло сердце. Блокадная почта давно не приносила ей писем. Пальцы дрожали, когда она открывала ящик. Кто знал, какую весть несёт письмо?

В ту военную пору белые треугольнички очень часто служили вестниками несчастья, сообщали о гибели родных и близких. Рита многих потеряла за страшную блокадную зиму. Последним она лишилась отца. Он не захотел уехать из Ленинграда, работал на заводе, делал снаряды для фронта. Так и умер у станка.

В ящике была повестка: «Районный военный комиссариат просит Вас с получением сего явиться по адресу...»

Рита перечитала адрес: улица Рубинштейна № 40. Она хорошо знала этот дом. Прежде там помещался клуб служебного собаководства, и Рита в нём постоянно бывала. Но что там делать сейчас?

У себя в комнате Рита подошла к столу, взяла старенький примус и поболтала им. Заплескался керосин. Рита обрадовалась — можно согреть чайник. Подкачала примус, вытащила из сумки противогаза, которую постоянно носила на боку, кусок хлеба — остаток дневного пайка. И стала его жарить. Хлеб был уже настоящий, не тот, что ели в минувшую зиму, когда в него подмешивали и опилки, и пыль, сметённую со стен бывших мучных складов. Теперь через Ладогу в Ленинград под носом у фашистских войск везли продовольствие — зимой по льду, летом на пароходах и баржах.

Рита жевала горячие ломтики, запивала дымящимся кипятком и думала о повестке, о доме на улице Рубинштейна.

ДЖАЛЬМА

Когда Рите исполнилось девять лет, ей подарили щенка. Рите давно хотелось собаку, но мама только качала головой: «Видишь, и так у нас тесно, в комнате не повернуться».

Рита уже не надеялась, что мечте суждено сбыться. И вдруг папа принёс щенка, пушистого, серого.

— Это за твои пятёрки, — сказал папа. — Мы с матерью прикинули — найдём ему уголок как-нибудь.

Щенок уже знал своё имя. Услышав его, он начинал довольно вертеть хвостом.

В клубе на улице Рубинштейна Рита поняла из слов опытных собаководов, что Джальма — обыкновенная немецкая овчарка, даже не очень чистой породы. В клуб приводили собак-чемпионов, собак-знаменитостей. Расчёсанные и ухоженные, они важно ходили, позвякивая медалями.

Но для Риты Джальма была всё равно самой лучшей, самой умной, самой понятливой. Она же, и правда, понимала свою хозяйку с полуслова. И Рита твёрдо решила, что её собака не останется простым домашним существом.

Разузнав адрес дрессировочной площадки, Рита в первое же воскресенье направилась туда. Смело подошла к инструктору и сказала:

— Мне нужно товарища Бурака, это не вы? Я буду у вас заниматься с Джальмой.

Бурак рассмеялся:

— Ты в каком классе, малышка?

— Уже перешла в четвёртый...

— Ты в четвёртом, а тут все взрослые серьёзные люди!

— Я тоже серьёзно, — сказала Рита, — Джальма обязательно должна учиться. Не может она ждать, пока я стану совсем взрослой. Правда же!

С этого дня Рита занималась с Джальмой на площадке. Когда хозяева со своими собаками выстраивались длинной шеренгой, она была на самом краю — на левом фланге, но это её не смущало. Девочка пристально смотрела на инструктора и точно повторяла все его указания.

Скоро Бурак убедился, что не зря принял Риту. Постепенно она догнала тех, кто начал заниматься раньше.

— Посмотрите на эту пионерку, — говорил своим взрослым ученикам инструктор. — У неё просто талант дрессировщика.

Рита подавала команды спокойно и твёрдо, не повышая голоса:

— Джальма, сидеть! Джальма, ко мне! Джальма, барьер!

Собака делала всё уверенно и быстро.

Как-то к Рите подошёл незнакомый человек.

— Для чего ты дрессируешь собаку? — спросил он. — Наверное, дачу охранять надо?

— У нас нет никакой дачи, — обиделась Рита. — Выучу Джальму всему, что нужно, и она станет служить на границе. Или в милиции. Джальма сумеет.

— Конечно, сумеет. Учишь ты её хорошо. Только почему

ты тут одна-единственная пионерка? Разве другим ребятам неинтересно воспитывать собак?

— Я не знаю, — ответила Рита, — не спрашивала. Наверное, многие захотели бы, даже в нашем классе.

— Правильно, — заметил подошедший Бурак, — об этом стоит подумать. Не у одной Риты есть собака.

Вскоре в клубе на улице Рубинштейна появились новички. Всё это были пионеры, мечтавшие стать собаководами.

Прошёл год, и ребят пригласили на смотр в Москву. Рита ехала в столицу с большой компанией новых друзей.

Ленинградские пионеры заняли тогда первое место на смотре. А летом поехали в пионерские военизированные лагеря. Жили как солдаты-пограничники. Учились быть санитарами и радистами. Ходили ночью по густым незнакомым лесам, находя направление по компасу. Всё надо было делать так, чтобы даже не зазвенела банка, подвешенная к проволочному заграждению, не хрустнула ветка под ногой.

Рита и её Джальма не отставали от других. Ходили в дозоры, ловили «шпионов», спасали раненых, быстро доставляли сообщения на заставу. Понятно, это была только игра. Никого там не ранили, ни в кого не стреляли, но ребята делали всё так, словно охраняли настоящую границу, участвовали в настоящем бою...

НА УЛИЦЕ РУБИНШТЕЙНА

О многом заставила вспомнить Риту Меньшагину повестка из районного военного комиссариата. Ей казалось, что она ходила в клуб на улице Рубинштейна давным-давно, в какой-то совсем другой жизни. А ведь Рита бывала там уже после того, как началась война. В городе тогда проводилась мобилизация. Сотни тысяч людей шли в армию. Те, кого не призывали, являлись сами, спорили, сердились, если по какой-либо причине их не хотели брать.

Рита в то время была уже студенткой. Ей поручили отби-

рать и дрессировать собак для воинских частей. Потом собак в городе уже не осталось. Люди голодали и кормить животных не могли. Клуб на улице Рубинштейна закрылся.

Тогда Рита и поступила в Банно-прачечный комбинат. «Зачем же теперь вызывают на улицу Рубинштейна?» — думала Рита.

В повестке говорилось, что надо явиться от десяти до двенадцати часов. Рита пришла ровно в десять. Клуб был пуст, в комнатах стоял затхлый, нежилой воздух. Рита ёжилась от холода, хотя на дворе был тёплый летний день.

В одной из комнат она увидела высокого человека в военной форме. Рита обрадовалась: она узнала в нём того, кто когда-то посоветовал ей организовать команды юных собаководов.

Майор тоже узнал её, встал навстречу и долго держал за руку, вглядываясь в лицо. Он смотрел на Риту внимательно и печально. Она очень изменилась за прошедшую зиму.

— Давно мы не виделись, — сказал майор. — Раньше сколько ребят сюда приходило! Мы всем послали повестки по старым адресам, но пока вас только трое...

Он понимал, что другие вряд ли придут. Кто воюет, кто погиб, кого уже нет в Ленинграде.

— Так, Маргарита Меньшагина, — сказал майор. — Мы вызвали тебя, чтобы спросить — не хочешь ли пойти в армию, в нашу часть? Мы вас не мобилизуем, предлагаем вступить добровольно. А часть у нас особенная, нам требуются люди, умеющие дрессировать собак.

— Какие нужны документы? — деловито осведомилась Рита. — Я могу хоть сейчас.

— Пиши заявление, — сказал майор. — Военкомат оформит.

Дома Рита разыскала гимнастёрку, в которой ходила на показательные выступления в прежние времена. Надела её, сунула кое-какие вещички в заплечный мешок и заперла свою комнату на ключ. Добираться надо было далеко, на другой конец города, в Сосновку. Но эти места Рита хорошо знала. Там когда-то размещались их летние лагеря, там находился питомник собак.

2

СТАРШИНА

В Сосновке новое пополнение принимал младший командир с четырьмя треугольничками в петлицах — старшина Петров.

Степенный и неторопливый, девушкам он казался уже немолодым человеком, хотя на самом деле ему не исполнилось и двадцати пяти лет. Его светлые брови были насуплены.

— Фамилия? Имя, отчество? — коротко спрашивал старшина и делал какую-то отметку в записной книжке.

— Строгий у нас начальник, — сказала Рите девушка, пришедшая одновременно с ней.

— Да, кажется, сердитый, — согласилась Рита. Она немножко оробела от пристального, внимательного и словно бы недовольного взгляда, которым окинул их старшина.

Потом, узнав начальника получше, Рита поняла, что он совсем не сердитый человек, а скорее добрый и мягкий. Строга армейская служба. К тому же старшина Петров был недоволен и расстроен в тот день. Его расстроило новое назначение.

. . . Война шла уже год, и Петров участвовал в ней с первых дней. Часть, где он служил, постоянно находилась на переднем крае. Сапёры ставили мины, устраивали всевозможные ловушки для вражеских танков. Они дежурили в траншеях, чтобы первыми встретить вражеские бронированные машины.

В середине зимы Егора Степановича ранили. Немецкий снайпер выследил, когда он пробирался в боевое охранение. Пуля попала в грудь и прошла у самого сердца.

— Повезло вам, ещё бы сантиметр. . . — сказал врач.

Егора Степановича решили отправить в тыл. Он лежал на носилках в кузове грузовика. Заиндевелый, замёрзший город медленно уплывал от его взгляда. Кто мог сказать, увидит ли он этот город снова?

Петров хотел обязательно вернуться в Ленинград, в свою часть.

Из госпиталя он писал товарищам, просил, чтобы его вы-

требовали в батальон. И получил затребование, официальное, с печатями.

Но всё оказалось сложнее, чем он себе представлял. В госпитале его и слушать не хотели: «Приказ для всех один. Пойдёшь в запасной полк, а оттуда уж куда направят».

До запасного полка Петров всё же не доехал. Команда выздоравливающих из госпиталя направлялась в город Киров, а он пересел в эшелон, шедший к Ладожскому озеру, в сторону фронта.

Всякое было в пути! И высаживали, и задерживали, и кормить не хотели. Время военное, а человек едет не со своей частью и без надлежащих документов, если правду сказать.

И всё же Петров прорвался в свой батальон.

За озером проделал ещё шестьдесят километров на попутных машинах. Опять были контрольно-пропускные пункты, опять от него требовали документов. Но тут, на ленинградской стороне, он уже не боялся — обратно в тыл не пошлют.

Командный пункт своего инженерного батальона Петров нашёл на старом месте — среди огородов возле Средней Рогатки. У входа в штабную землянку сбросил вещевой мешок, обдёрнул шинель, затем открыл дверь.

— Товарищ майор! Старшина Петров прибыл для дальнейшего прохождения службы, — доложил он с порога.

— Здравствуй, Петров! — Командир обрадовался ему, встал над маленьким столиком, большой, высокий — под самый потолок землянки. — Хорошо заштопали тебя? Значит, вернулся в свою часть, молодец! Сдавай документы и становись на довольствие...

Петров снова вытянулся по стойке «смирно». Пришлось докладывать, что нужных документов у него нет, остались у офицера, сопровождавшего команду выздоравливающих в Киров.

— Значит, ты сбежал, как есть? История... Оформить тебя тут я не имею власти. Придётся улаживать в штабе фронта. Ну, обживись в батальоне, походи несколько дней. А мы тем временем и назначение тебе подберём. Намечается

тут одно важное дело... — Майор постучал пальцем по столу. — Понятно?

Старшине хотелось узнать, что за дело, но командир больше ничего не сказал, а спрашивать было неудобно.

— Слушаюсь. Разрешите идти?

ВАЖНОЕ ДЕЛО

После разговора Петров ждал вызова к командиру целую неделю. «Может быть, сапёров-подрывников будут посылать во вражеский тыл?» — думал он. Смутный слух об этом ходил ещё осенью, до того, как Петрова ранили. «Или предстоит участвовать в какой-нибудь наступательной операции?» Это было бы тоже хорошо.

Старшина несколько раз заглядывал к штабным писарям, пытаясь узнать что-либо у них. Но и всезнающие писари на этот раз ничего сказать не могли.

Старшина старался сдержать нетерпение. Чего нервничать? Военному человеку не положено напрашиваться на службу и не положено отказываться от неё. Надо ждать.

А всё-таки, когда его вызвали в штаб, он бросился туда почти бегом, куда только степенность девалась!

— Так вот, товарищ старшина, — сказал майор, — приказ о вас подписан. С сегодняшнего дня вы снова зачислены в списки части.

Майор внимательно, изучающе смотрел на старшину.

— Назначение вам подобрали. Как заслуженному, боевому командиру. Дело такое, что его не каждому можно доверить... — Он помолчал немного, словно давая Петрову приготовиться к важной вести. — С завтрашнего дня мы начинаем получать пополнение. Эти молодые бойцы особенные. Таких у нас ещё не было — девушки. Но девушки замечательные, ленинградки. Вы назначаетесь начальником этой команды. Надо быстро научить новых бойцов военному делу.

— Девушек? — оторопело переспросил старшина. — Ка-

кие же, товарищ майор, из девчонок, да ещё блокадниц, сапёры? На нашей работе со здорового мужика семь потов сойдёт!

Нечего сказать, дождался боевого назначения! Наступление, к немцам в тыл... Стоило ради этого бежать сюда, пробиваться сквозь все заставы и преграды!

— Вам будет трудно, я понимаю, — говорил командир, — но вы о них подумайте. Девушки грамотные, большинство комсомолки. Все добровольцы. Ваша обязанность — заботиться о них, и главное — учить.

Обычно майор был немногословен, а тут произнёс целую речь. Говорил о том, что сам передумал в последние дни. Он тоже с нелёгким сердцем согласился на девичье пополнение, но приказ есть приказ.

Петров слушал майора, и ему всё казалось, что произошла какая-то обидная ошибка. Может, командир считает, что он ещё не поправился?

— Я ведь полностью прошёл курс лечения. Рана совсем зажила, только нашивка от неё и осталась.

Он ткнул пальцем в золотистую полоску на груди.

— Могу хоть сейчас на минное поле.

— Я вам лёгкого дела не даю. Самое трудное. И надеюсь, что справитесь, не подведёте. Не теряйте времени. К исполнению обязанностей надо приступать сейчас же.

И Петров приступил к исполнению. Как было сказано — сразу. Всё же ему трудно было справиться с чувством обиды и разочарования. Поэтому он и выглядел сердитым.

„ДЕВИЧЬЯ КОМАНДА"

Программа занятий была сжатая. Боец должен о многом узнать, прежде чем пойдёт на передовую. Приходилось маршировать по дорогам, двигаться в шеренгах и врассыпную, походным шагом и бегом, ползать, почти не отрывая тела от земли, прижимаясь к каждой кочке.

— Филимонова! — кричал старшина Петров. — Что вы спину выгнули колесом? Как раз вам пулю в спину и влепят!

А ещё нужно было заниматься своей сапёрной специальностью и работать с собаками. В программе начальник команды даже записал мудрёное название предмета: «Кинология». Кинология означает — наука о собаках.

Вот когда старшина Петров оценил присутствие в команде девушек-собаководов. Они стали его первыми помощницами, особенно Рита Меньшагина и Лиза Самойлович.

Лиза, как и Рита, раньше занималась в клубе на улице Рубинштейна. Свою первую собаку, Джульбарса, Лиза подарила пограничникам и очень гордилась тем, что Джулька служит на границе. Боец, который стал проводником Джульбарса, часто писал Лизе, что пёс очень умный и выучен отлично.

Джульбарс погиб, помогая пограничникам задержать нарушителя.

«Наш Джульбарс, — говорилось в одном из писем, — работал бесстрашно. Вражеский лазутчик вытащил пистолет, но

Джулька схватил его за руку и не отпускал до тех пор, пока не подоспели бойцы. Пёс погиб, но задержал врага».

Да, Лиза Самойлович была опытным собаководом. Старшина ценил это, потому что знал, как это важно — правильно воспитать собаку.

— Запомните, — говорил он девушкам, — мало того, чтобы собака точно, без запинки выполняла ваши приказы. Это ещё только часть задачи. Важно, чтобы ничего не делала без вашего приказа, по собственной прихоти. Иначе может получиться не польза, а вред.

Старшина молчал с минуту, подыскивая подходящий пример:

— У нас в батальоне был такой хитрюга пёс Розан. Учили его связной службе — пакеты носить. Прибежит собака на пост, принесёт пакет, ей поощрение дают — сухарь, прядку сушёного мяса.

Розан вначале работал лениво. Потом пришла голодная пора, блокада. Кормили собак плохо. И Розан вдруг стал бегать, когда его и не пошлют. Прибежит в роту, там думают, какое-то распоряжение прислали с собакой, может, срочный приказ. Но у Розана ничего нет. Просто тычется мордой в руки солдат, требует угощения.

Что ж вы думаете, несколько раз он своими самовольными приходами настоящую тревогу поднимал. Прибежит без донесения, а в роте думают, у него пакет по дороге отняли, важный приказ в руки врага попал. Пришлось Розана из части списать... И ведь не глупый пёс был. Пропал из-за плохого воспитания...

— Ваша правда, товарищ старшина, — вмешалась в разговор Лиза Самойлович. — Я про одну караульную собаку знаю. С ней целая история вышла. Сколько народу перепугала! Можно рассказать?

— Что ж, говорите, — согласился Петров, — только покороче.

— Понимаете, собака эта, Найда, была у одного мальчика, у Саши Фролова. Большая чёрная овчарка. Постороннему человеку к ней и подойти страшно.

Саша обучил свою Найду караульной службе. Она охра-

няла большой промтоварный магазин в Лесном. Саша приводил туда Найду к концу торговли. Все шли домой, Найда оставалась одна. Товару в ящиках, на прилавках, на витринах много, но беспокоиться нечего — никто не возьмёт, не войдёт в магазин. Найда не пустит...

Но один раз получилась с ней крупная неприятность, и Саша был сам в этом виноват. Какую-то сделал он ошибку, когда учил свою Найду.

В тот день мать Саши ушла к соседке и не заперла наружную дверь. Найда вышла из дому и отправилась в магазин. Сама пошла, без хозяина. Явилась в магазин, а там торговля идёт вовсю.

Найда увидела толпу, решила, что непорядок, и улеглась на пороге. Покупатели подходят к магазину — Найда рычит, не пускает. Другие хотят с покупками уйти — Найда не даёт. Кто-то попробовал перешагнуть через собаку — не тут-то было! Найда лязгнула зубами, да и куснула человека за ногу.

Что тут началось, даже передать трудно! В магазине кричат. Кто-то в панику ударился: мол, собака бешеная, всех перекусает. И снаружи собирается толпа, всем интересно — что за непонятный случай? Милиционера привели.

Счастье, что тут подъехал на машине директор магазина.

— Стой! — кричит милиционеру. — Это Найда. Какая она бешеная? Она наш сторож.

Но и директор не может собаку увести. Она признаёт только своего хозяина, Сашу. Отправили за Фроловым в школу автомобиль. С урока вызвали. Саша приехал и снял с магазина собачью осаду.

Егор Степанович решил сделать вывод из этой истории применительно к военной обстановке.

— Собаки несут караульную службу и в армии, — сказал он, — они могут охранять, например, военные склады. Представьте, что будет, если собака сама, самовольно встанет на пост? У склада с боеприпасами или у штаба. Какая кутерьма пойдёт! Надо доставлять снаряды артиллеристам, а собака не позволяет. Надо везти приказ в части, а собака не выпускает! Верно я говорю?

НА „НИЧЕЙНОЙ ЗЕМЛЕ“

Больше всего молодые бойцы хотели знать, как собаки ведут себя в бою, под огнём. Ведь на войне же всё не так, как в мирное время. Рвутся снаряды, пулемёты трещат, взлетают ракеты — разве собака не боится? Наверное, ей страшно, а сознательности у неё нет. Не убежит она со страху?

— Если правильно воспитаете, не убежит, — говорил старшина. — И как вы себя поведёте, так будет себя вести и она. Собаке хозяин дороже жизни. Сколько раз мы в этом убеждались...

Егор Степанович вспомнил декабрьскую ночь под Пулковом. Траншея боевого охранения, а перед ней — синеющее в холодном свете луны снежное поле, застывшая «ничейная

земля». Так называли пустое пространство между нашей первой траншеей и траншеей противника. На этой «ничейной земле» лежала собака.

Прошлой ночью наш стрелковый батальон проводил разведку боем. Фашистам навязали бой, чтобы они тоже открыли огонь и показали этим, где у них пулемёты, где миномётные и артиллерийские батареи. В батальоне были связисты с собаками.

Бой шёл целую ночь. Под утро, выполнив свою задачу, наши отошли. Огонь утих, санитары вытащили раненых. Но когда рассвело, из первой траншеи заметили какое-то движение на «ничейной земле». Возле убитого бойца лежала собака. Она была жива, время от времени настораживала уши, поднимала голову, оглядывалась по сторонам. Над собакой посвистывали пули, вблизи рвались мины, но она не уходила, лишь снова наклоняла голову к неподвижному телу.

Собаку много раз окликали, она слышала команду:

«Амур, ко мне!». Но подавали команду чужие люди, а её хозяин, вожатый, лежал безмолвно, и она не откликалась на зов, лишь плотнее вжималась в снег возле мёртвого тела.

Конечно, Амура видели и фашисты. Их снайперы вполне могли его убить, но они не стреляли. Может быть, собака просто их не интересовала, а может быть, они ждали, когда к ней попробует подобраться человек.

Так прошёл день. К ночи стало ещё морознее. От холода застывали руки и ноги.

И солдатское сердце не выдержало. Едва луна исчезла за тучами, два бойца выбрались из траншеи и поползли. Те, что остались сзади, видели, как подрагивают, качаются за их спинами винтовки. Потом оба солдата словно растворились в темноте.

Они ползли, зарывались в снег, когда в небе вспыхивали, рассыпаясь звёздами, ракеты. Наконец добрались до собаки, и тот, что полз впереди, протянул руку к её ошейнику. Амур глухо заворчал, щёлкнул зубами. Он решительно не хотел уходить от своего хозяина.

— Давай я, — прошептал второй солдат. — Меня он знает, из нашего ведь отделения.

— Амур, Амур, — тихонько повторил он.

Амур снова заворчал, но уже не так грозно. Голос ему был знаком.

Солдат схватил поводок и пополз назад, таща Амура за собой. Собака упиралась, но ошейник сдавливал ей шею, да и сил после суток, проведённых на лютом морозе, у неё оставалось мало.

К своей траншее подползли, когда уже светало... С трудом перевалили через бруствер. Собака свалилась вслед за бойцами. В землянке ей давали хлеб, отламывали от скудного блокадного пайка. Амур не ел, только выпил несколько глотков воды.

Ещё долго ходил он сам не свой, опустив хвост, и смотрел на всех тоскующими, влажными глазами...

3

РИТА ПОЛУЧАЕТ БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

Команда занималась на полянке.

День стоял хмурый и прохладный, несмотря на летнее время.

Девушки сидели на траве, а командир — старший сержант объяснял им тонкости караульной службы.

— Боец Меньшагина! — неожиданно прозвучал приказ.— К старшине Петрову!

Через несколько минут Рита стояла перед старшиной Петровым в закутке, где он устроил свою «канцелярию».

Петров с минуту молча смотрел на неё.

— Так вот, Меньшагина, забирают вас из команды. Курс обучения вы не совсем закончили, да что поделаешь, война. Командир батальона лично приказал.

Голос старшины звучал как-то грустно.

— Не вас первую забирают, — вздохнул он. — Бутыркина и Александрова уже во взводе связи. Велосипедистками. Донесения возят. Вас тоже берут в связь, но приказано выслать с собакой. Значит, работа будет другая.

— Понятно, — сказала Рита.

— Возьмите у писаря документы и отправляйтесь. Счастливо воевать вам, Меньшагина.

Старшина встал из-за стола, подошёл к Рите и тихонько тронул за рукав. То ли смахнул пылинку, то ли погладил. Это уж было совсем не по-уставному.

«Почему это начальство так спешит? Дали бы подготовить девушек получше», — думал старшина.

О разговоре, происходившем накануне в штабе армии, он не знал. А этим разговором и был вызван приказ о Меньшагиной.

— Товарищ майор, — сказали в штабе командиру батальона, приехавшему по срочному вызову, — вы докладывали, что можете организовать связь на передовой с помощью собак.

— Так точно, — подтвердил комбат.

— У нас есть несколько участков, где поддерживать связь пешими посыльными крайне трудно. Особенно под Урицком. Наши позиции противник хорошо просматривает и всё пристрелял. Теряем людей. Можно там использовать ваших собак?

— Можно, — ответил комбат. — Связные собаки не раз действовали в боевой обстановке.

— Тогда быстрее принимайтесь за дело.

...Рите и предстояло работать с собаками на новой линии связи. Комбат сам отбирал для этой линии бойцов. Рита была новичком в части, зато майор знал её как опытного собаковода и потому включил в список.

ЛИНИЯ СВЯЗИ

На командный пункт стрелкового батальона, который стоял против Урицка, Рита пришла вместе с напарником — бойцом Назаровым.

Собаки у них были разные: гончая Кайкер с коричнево-чёрной спиной, порывистая, любопытная, старавшаяся

всюду сунуть свой мокрый нос, и несколько медлительная, важная красавица Ретчер — колли, шотландская овчарка с длинной роскошной шерстью, жёлтой на спине и белой на груди.

Рита и Назаров подошли к землянке КП — командного пункта, держа собак на коротких поводках. Комбат-пехотинец недоверчиво оглядел их.

— Эти собаки будут держать связь? — спросил он. — Учтите, надо по открытому месту бежать, через болото. Там ходов сообщения не вырыть. Немец всё видит. Бьёт по людям и по собакам станет бить.

— Понятно, товарищ старший лейтенант, но ведь собака движется быстрее, чем человек. И рост у неё меньше. В собаку куда труднее попасть.

Командир лишь покачал головой и сказал:

— Что ж, работайте, раз пришли.

Ночью боец Назаров ушёл с собаками в роту, а вскоре на командный пункт примчался Кайкер. Рита была в траншее возле землянки, и собака сразу её нашла. Один из бойцов попробовал остановить пса, но добродушный, ласковый Кайкер оскалил зубы и так зарычал, что боец быстро уступил ему дорогу.

— Дружба дружбой, — улыбнулась Рита, — а служба службой. Кайкер службу знает.

Она расстегнула портдепешник — сумочку для письменных сообщений, прикреплённую к ошейнику собаки. Там лежала записка командира роты. Записка была малозначащая, по правде сказать. Ротный, видно, тоже не очень доверял «собачьей связи». Но собаки выдержали проверку.

Между командным пунктом батальона и ротами, конечно, существовала связь и по телефону. В спокойные дни она действовала надёжно, в горячее же время, когда противник вёл сплошной артиллерийский и минометный огонь, связь частенько нарушалась. Телефонисты маскировали провод, но всё равно снаряды рвали его. Да и не всё передашь по телефону. Пакеты по проводам не идут. Раньше их доставляли люди, теперь собаки. Если телефонная связь действовала, из батальона звонили в роту: «К вам пошёл прия

тель Риты» — это значило: отправили Кайкера. Или: «Послали рыжую» — значит, идёт Ретчер. А через минуту-две следовал обратный звонок: «Ритин приятель уже здесь», «Рыжая пришла».

Четвероногие связисты по нескольку раз в день ходили из батальона в роты, из рот в батальон. Они не пугались выстрелов и разрывов.

Выпал снег, и на собак стали надевать «маскировочные халаты» — полотняные попонки, которые делали их незаметными на поле. Даже на пушистые хвосты надевали колпачки из белой ткани.

Недоверие к связным собакам быстро рассеялось. Командиры не могли нахвалиться ими. Донесения доставлялись в несколько раз быстрее, чем раньше, а главное, прекратились потери солдат-посыльных.

В окопах радостно встречали собак.

— Почтальон пришёл!

Собаки действительно стали и почтальонами, носили в сумках солдатские письма.

Кайкер подружился со старшим лейтенантом, командиром стрелкового батальона. Тот всегда имел для собаки кусочек сахара или сухарь. Кайкер принимал угощение с достоинством, спокойно и неторопливо снимал лакомый кусочек с протянутой ладони. Он разрешал гладить себя, почёсывать за ушами, даже довольно урчал при этом. Но к портдепешнику мог прикасаться только вожатый. Однажды комбат попробовал взять донесение сам, но Кайкер злобно огрызнулся и быстро отскочил. Добродушие, приветливость с него как рукой сняло.

Случалось, что, придя в землянку КП, Кайкер не заставал там Риту. Тогда он забирался в закуток, где она жила, и ложился на её плащ-палатку. Лежал спокойно, но сердито скалил клыки, если кто-нибудь к нему приближался.

Постепенно пехотинцы так уверовали в «собачью» связь, что стали пользоваться ею и для передачи особо важных сведений. Командир части узнал об этом и приехал объясняться с начальством стрелкового батальона.

— Вы инструкцию нарушаете, товарищи! Секретными сведениями шутить нельзя. И себя подведёте и нас.

— Никак нет, товарищ майор! Мы хорошо проверили этих «связисток». Они самые надёжные. За всё время ни одной осечки не получилось!

ГИБЕЛЬ КАЙКЕРА

Вблизи командного пункта стрелкового батальона заняла позицию батарея тяжёлых миномётов. Огня она пока не вела — то ли экономила боеприпасы, то ли не хотела раскрывать до поры местоположение. Миномётчики ждали своего часа.

Как раз мимо этой батареи проходил маршрут Кайкера. Миномётчики обратили внимание на собаку и решили её

поймать — пускай живёт у них. Они не знали, что собака служебная. Но Кайкер обходил батарею стороной, к миномётчикам не приближался.

И вот однажды боец-наблюдатель увидел, что собака, бежавшая по открытому месту, словно споткнулась, подпрыгнула и завертелась на месте. Пуля настигла Кайкера.

— Что это собака там крутится? — удивился наблюдатель.

А Кайкер ещё пробовал продолжать свой путь. Собрав последние силы, качаясь, пёс сделал несколько шагов, потом упал на бок и затих. На его белой попоне разливалось красное пятно.

— Собака-то не простая, в маскхалате, — ещё больше удивился наблюдатель. — Разрешите, товарищ сержант, я попробую добраться до неё.

Он дополз до неподвижного Кайкера, обнаружил на его шее сумку с запиской и ахнул.

— Не иначе, через фронт шёл, немцам сведения доставлял, — решили миномётчики. О связных собаках, работавших в наших частях, на батарее не знали.

Прошло немного времени — и на командном пункте стрелкового батальона требовательно загудел телефон.

— Меньшагину вызывают в дивизию, — сообщил дежурный телефонист. — Немедленно.

Рита прибыла в штаб дивизии, когда уже смеркалось. В землянке, куда её направили, было двое — капитан и лейтенант. Лейтенант строго спрашивал Риту:

— Почему посылали собаку с секретными сведениями?

— Что посылать — не я решаю, распоряжается начальство, — сказала Рита. — А связь через собак самая верная. Это проверено, и не только здесь.

— А клички у собак почему не русские?

— Надо у прежних хозяев спросить. Они так собак окрестили!

...На передовую Рита возвращалась с каким-то сержантом. У развилки дорог они попали под сильный артиллерийский обстрел. Развилку обстреливали часто, она была известна в дивизии как гиблое место. Все старались ско-

рее пройти её. Рита даже не прибавила шагу, хотя снаряды густо ложились вблизи.

— В траншею, быстрее! — крикнул сержант. — Убьют же!

— Ну и пускай убивают, — Рита вдруг всхлипнула. — Пускай.

— Не дури! — рассердился сержант и потащил её за руку. Уже потом, в траншее, он долго говорил что-то про сумасшедших девчонок.

Утром в стрелковый батальон приехал командир части, в которой служили девушки.

— Докладывайте что и как случилось, — сказал он Рите. — И спокойно. Тоже мне — боец — глаза на мокром месте!

— Кайкера убили... А они решили, что он к немцам шёл, что я его туда посылала.

— Глупости! С этим я разберусь. А ты возвращайся в Сосновку. Всё равно тебя решили отозвать отсюда. Примешь отделение и займёшься новым делом.

Вот при каких обстоятельствах Рита Меньшагина получила повышение по службе.

4

ИСПЫТАНИЯ НА ОЗЕРЕ

А в Сосновке, в «девичьей команде», готовились к показательным испытаниям. Девушки вышли на берег озера очень рано. Зимнее утро только начало сменять долгие предрассветные сумерки. Бледный свет медленно разгонял серую мглу над замёрзшим озером. Казалось, свет идёт не сверху, а снизу, точно его испускали глубокие снега, укрывшие всё вокруг.

Команда рассредоточилась. Девушки стояли парами. Возле них, впряжённые в нарты, крутились, натягивая ремни, собаки.

— Беспокоятся, — сказала Нина Бутыркина подошедшему Петрову. — Скорее бы уже началось.

— Скоро, — отозвался старшина. — Вот только начальство приедет. А беспокоитесь вы зря. Чего нервничать? Всё будет в порядке. Сколько раз всё проверяли на занятиях!

Он посмотрел на дорогу, заметил приближающуюся машину.

— Ну, вот видите, уже и начальство едет.

Петров быстро пошёл к тому месту, где остановилась машина.

— Товарищ полковник, команда бойцов инженерного батальона собрана для испытания упряжных собак...

Командир батальона, приехавший вместе с офицерами штаба фронта, обратился к начальству:

— Разрешите начинать?

— Давайте, — сказал полковник. — Время дорого.

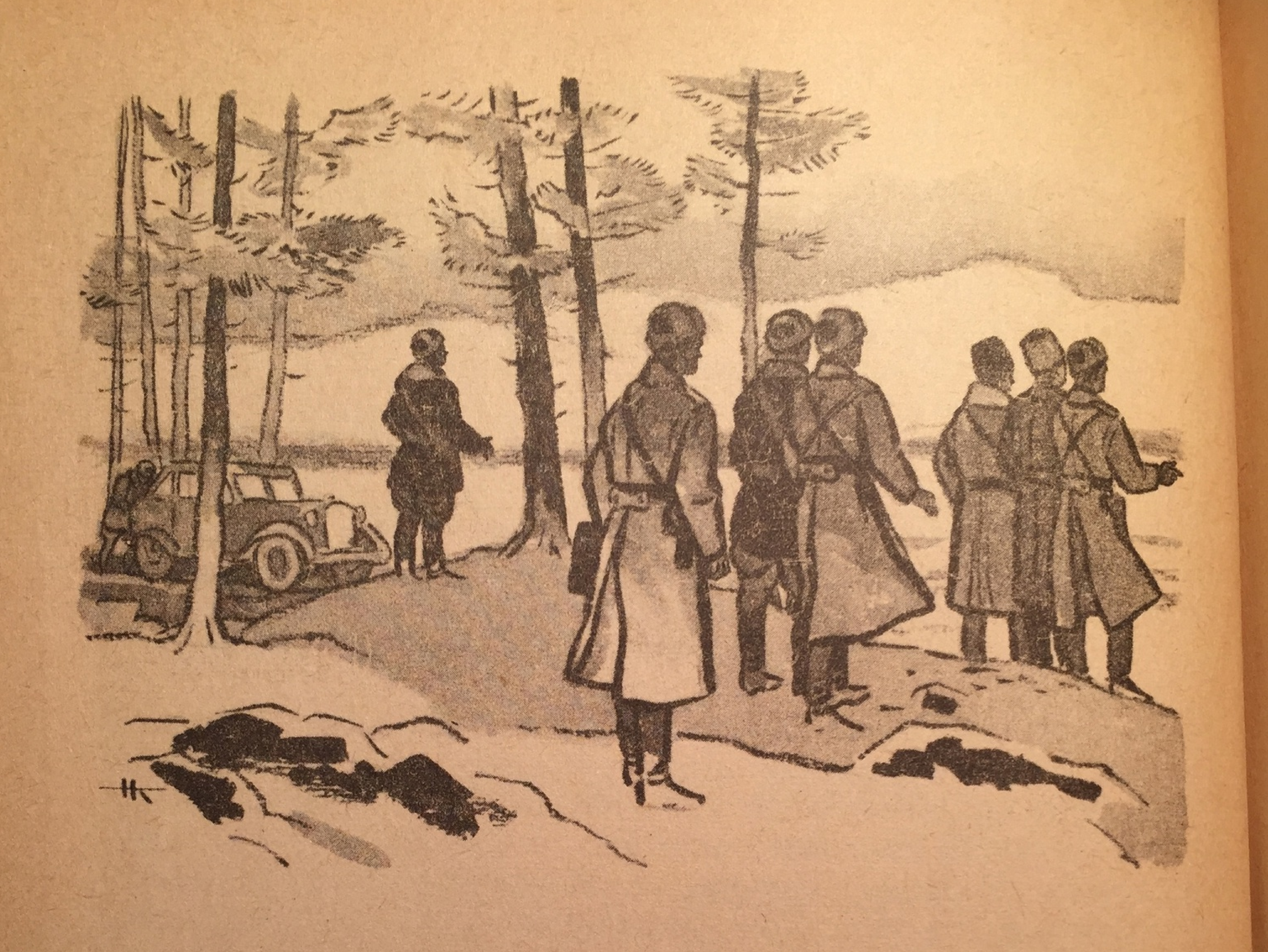
Вид у полковника был утомлённый. Уже много дней и ночей он вместе с другими штабными командирами работал над планом новой операции. Она называлась «Искра». Знали о ней пока ещё немногие, но высшее командование придавало ей большое значение. Эта операция должна была привести к разрыву вражеского кольца, сжимавшего Ленинград.

Операция должна была развернуться зимой. Войскам предстояло наступать по глубокому снегу, перебираться через широкую замёрзшую Неву без всяких дорог. Собачьи упряжки с лёгкими санками — нартами могли пригодиться наступающим. Поэтому офицеры из фронтового штаба и решили посмотреть на них. Для испытаний нарочно выбрали озеро с крутыми берегами и глубоким снежным покровом. Оно напоминало тот участок Невы, где предстояло наступать нашим войскам.

Командир батальона взмахнул рукой, и упряжки ринулись на озеро. Они легко неслись по глубокому снегу. Со стороны невозможно было представить, что груз, уложенный на нарты, весит в несколько раз больше, чем все пять собак упряжки. У каждых нарт были две девушки на лыжах. Одна бежала впереди, прокладывала лыжню, другая следовала за упряжкой, управляя собаками.

Офицеры напряжённо следили за бегом собак и уже прикидывали, где и как использовать их во время предстоящих боёв.

— Когда пехота преодолеет Неву, на собаках можно будет сразу же перебросить мины, щитки, проволоку... — говорили одни.

— А на обратном пути вывозить раненых,— добавляли другие.— Пока ещё через Неву пойдут машины! А раненых надо быстро доставлять на медицинские пункты.

Между тем испытание завершилось. Все упряжки преодолели озеро и вернулись назад. Маленькая, хрупкая даже в овчинном полушубке, Нина Бутыркина смущённо топталась перед полковником из штаба. Упряжка Нины пробежала через озеро быстрее всех. Полковник вручил девушке подарок, пожал руку. Нина растерялась, но встретила взгляд старшины Петрова и быстро подтянулась.

— Служу Советскому Союзу!

— Ну, молодцы, молодцы, даже не ожидал,— твердил полковник, глядя на неё.— Кто это выучил так ваших собак? Собаки-то, как погляжу, не ездовые — обычные, городские.

— Орлик,— сказала Нина.— Орлик их научил.

— Орлик? — переспросил полковник. — Инструктор, что ли? Воинское звание какое? В армии, девушка, всех по званию надо называть.

Пришлось вмешаться командиру батальона.

— Учили, конечно, инструкторы, товарищ полковник. И сами девушки работали с собаками много. А Орлик — наш лучший вожак.

— Собака? Да я же про людей спрашиваю!

Нина снова встретила сердитый взгляд старшины, стоявшего за спиной полковника, и совсем смутилась. Угораздило же её ответить так невпопад...

Между тем она вспомнила Орлика не зря. Собаки в упряжках были действительно городские. Их учили послушанию — ходить рядом с хозяином, бежать на его зов, носить небольшие предметы. Но к ездовой службе не приучали.

ВПЕРЁД, ОРЛИК!

Орлик вырос в студёном северном краю. В Ленинград его привёз геолог, работавший долгое время в Арктике. Не мог расстаться с псом, спасшим ему жизнь.

Там, на Крайнем Севере, Орлик слыл лучшим вожаком в районе. Упряжку, которую он водил, геологи считали самой быстрой, самой дружной и неутомимой.

Однажды геолог с помощником отправился в дальнюю поездку.

— Возьмите каюра, — сказал начальник экспедиции.

— Справимся, не впервой, — отказался геолог.

Дело шло к весне, солнце уже начало показываться над горизонтом, и снег ослепительно сверкал под его косыми лучами.

— Вперёд, Орлик!

Нарты понеслись по белому полю, только снежная пыль завивалась за ними.

Поездка оказалась очень интересной. Геологи нашли минерал, за которым охотились давно. На радостях они изменили маршрут, забрались куда дальше, чем предполагали. На базе их уже ждали несколько дней, а они всё гоняли упряжку по тундре.

Собаки устали, кончались продукты. Надо было спешить назад, и тут разыгралась пурга. Ветер пронзительно свистел, снежная мгла совсем скрыла солнце. Всё утонуло в этой мгле, всё замело снегом — и людей, и нарты, и собак.

Последняя юкола — сушёная рыба — была отдана собакам. Люди съели последний кусок мёрзлого хлеба. Больше еды не оставалось. А злая пурга всё не хотела угомониться. Она начала стихать только на третий день. Геологи не могли ждать, пока совсем установится погода. Решили ехать. Но куда? Они так долго кружили в пурге, что теперь толком уже и не знали направления на свою базу. Да и вряд ли можно было добраться до неё без еды.

Молча откопали засыпанные снегом нарты. Собаки вы-

лезли сами. Оставалось довериться им, может, дотянут до какого-нибудь становища, где есть люди.

— Вперёд, Орлик, вперёд, собака! Спасай себя и нас!

Слова геолога звучали уже не командой, а просьбой.

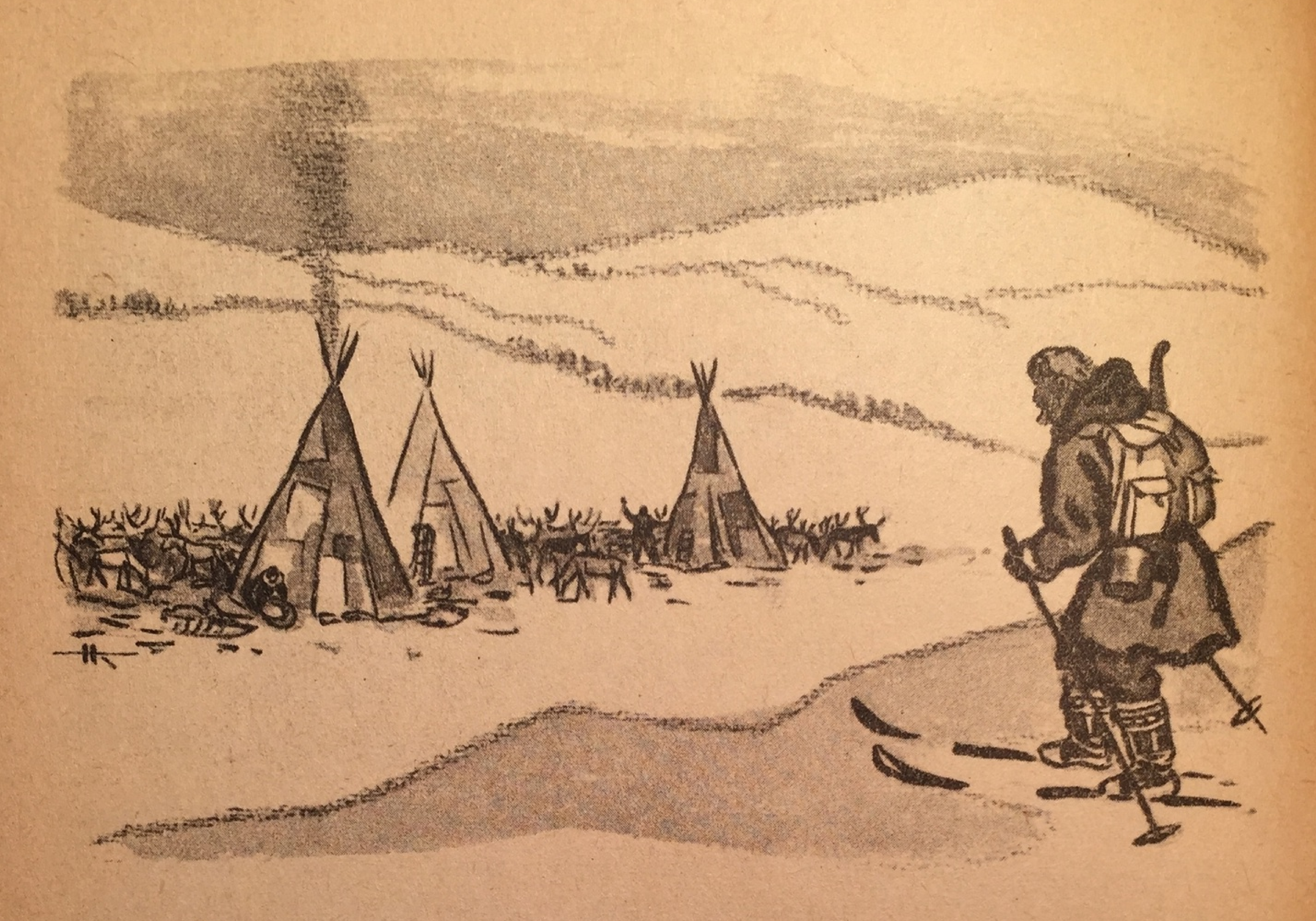
И Орлик повёл упряжку. Обессилевшие животные тянули с трудом. Нарты застревали на буграх и ледяных застругах. Приходилось наваливаться и людям. Орлик продолжал упрямо глядеть вперёд, на ходу грыз оледенелый снег и, вытянув шею, нюхал воздух. Оборачивался только тогда, когда чувствовал, что какая-то собака ослабила постромки. Грозный его взгляд и щёлканье зубов заставляли отставшую подтянуться.

Орлику, шедшему первым, было тяжелее, чем остальным. Его лапы, израненные о лёд, оставляли кровавые следы. Но он шёл и шёл, ведя упряжку за собой. За упряжкой двигались люди, тоже терявшие силы, а с ними и надежду.

Так продолжалось много часов, и вдруг что-то изменилось. Бескрайние снега по-прежнему расстилались вокруг, и ледяной воздух по-прежнему проносился над ними упругими обжигающими потоками. Только воющий ветер нарушал безмолвие белой тундры. Но Орлик почему-то побежал увереннее. Он повеселел и, глядя на него, повеселели другие собаки. Они стали сильнее налегать на постромки.

Вожак уже не вытягивал вопросительно шею и не внюхивался в воздух. Он знал, куда идти. Нарты поднялись к гребню длинного холма, перевалили через него, и далеко на обратном склоне открылась стоянка оленеводов. Это было, как потом подсчитали геологи, в пятидесяти километрах от места, где им пришлось переждать пургу, и в ста пятидесяти километрах от базы экспедиции. Как Орлик нашёл туда дорогу?

Вернувшись на базу, геологи ещё долго работали в тундре. Наконец всё было закончено. Экспедиция стала свёртываться. Можно было ехать в Ленинград. Увозили приборы, палатки, обмундирование, сложное и разнообразное имущество экспедиции. Оставляли в тундре только ездовых собак. Всех, кроме Орлика.

— Вы знаете, сколько вам придётся заплатить за него? — спрашивал начальник экспедиции. — За эти деньги вы сможете дома купить несколько собак самых редких пород.

— А те собаки мне не нужны, — упрямо говорил геолог, — даже редчайшие из редких.

СНОВА В УПРЯЖКЕ

И Орлик приехал в Ленинград. Его выводили на бульвар, где на дорожках под старыми тополями гуляли на крепких поводках другие собаки. Там были овчарки, доги, спаниели... Они явно наслаждались этими прогулками. Но то, что нравилось им, пришлось Орлику совсем не по сердцу.

Орлик почти перестал есть. Его густая шерсть стала вылезать, острые весёлые глаза начали слезиться.

Наконец геолог понял свою ошибку. Отправить Орлика обратно в Арктику он не мог, пришлось отвести его в питомник. Собаки жили там на воздухе и готовились к суровой армейской службе. Такая жизнь должна была подойти северной лайке больше, чем скучное существование в городской квартире.

Орлика охотно взяли в питомник. В то время устраивали пробеги собачьих упряжек на дальние расстояния, например из Ленинграда в Москву. Специалисты думали, как лучше использовать собак в армии. Хороший северный пёс, привыкший к ездовой службе, конечно же, должен был пригодиться.

Орлику дали окрепнуть на свежем зимнем воздухе. И когда у него шерсть снова стала блестящей и густой, начальник питомника сказал инструктору:

— Можете брать и этого пса.

На следующий день инструктор пришёл недовольный:

— Вы, товарищ начальник, расхваливали собаку, а она какая-то понурая, ленивая. Еле-еле тянет лямку, а ещё север-

ная лайка. И ведь я её на лёгкое место поставил для начала — третьей в упряжке! Всё равно мало проку.

Начальник решил посмотреть на Орлика сам. В вольере пёс бродил, как потерянный. Голова была опущена, что-то приниженное, прибитое чувствовалось во всей его фигуре.

— Значит, третьим ставили, — сказал начальник инструктору, — а вы его первым поставьте! Он ведь гордый, он вожак!

Собрали упряжку, поставили Орлика первым, и он мгновенно переменился — другая собака! Распрямил спину, поднял голову и оглядел упряжку властным, повелительным взглядом. Инструктор крикнул, и собаки сразу взяли с места, помчались по снежному полю. Их не приходилось погонять. Они шли быстро и ровно.

ВОЖАК

В сапёрный батальон Орлик попал в самом начале войны. Он быстро усвоил, что от него требуют, и выполнял команды безотказно.

Он ничего не боялся. Взрывы не заставляли его даже вздрагивать. Если снаряды ложились очень уж близко, Орлик неторопливо, сохраняя достоинство, уходил в землянку или залезал в щель. Но одного слова хозяина было достаточно, чтобы Орлик остался на месте и под самым сильным огнём.

Когда в батальоне начали обучать собак ездовой службе, Орлик был уже признанным вожаком.

Были собаки покрупнее и потяжелее Орлика. Но всё в нём — широкая грудь, длинные, крепко стоящие на земле ноги, прямая спина с ясно видимой, словно отлитой из железа мускулатурой — всё говорило о большой силе. А главное — пёс знал, что требуется от ездовых собак. Если Орлик нападал на других собак, то лишь для того, чтобы наказать за плохое поведение. В драке он был смел, стремителен, увёрт-

лив. Никогда не позволял вцепиться в себя. Быстро прыгал на виноватого, ударял его своей мощной широкой грудью, сбивал с ног и хватал зубами за шею. После трёпки провинившийся уже не смел нарушать порядок.

Самым трудным было научить две пары собак ходить одна за другой и следовать за вожаком. Задняя пара пыталась догнать, опередить переднюю, и все четыре собаки хотели настигнуть, схватить, укусить вожака.

Случалось, непослушные собаки затевали драки и совсем переставали повиноваться. Упряжка сбивалась в кучу, собаки злобно щёлкали зубами. Во все стороны летели клочья шерсти, ремни перепутывались. Нужно было много времени, чтобы водворить порядок.

Командир батальона приказал в каждую новую упряжку ставить сперва вожаком Орлика. Все собаки побывали под его «командой». Он умел подчинить их себе, призвать к порядку и послушанию.

В общем, собаки имели разных инструкторов и разных хозяек, но «школу» Орлика прошли все. Нина Бутыркина не так уж ошиблась, назвав его кличку, когда докладывала полковнику из штаба фронта.

5

ЧЕРЕЗ НЕВУ

Команду подняли по тревоге. Девушки торопливо соскакивали с нар и натягивали тяжёлую зимнюю одежду.

— Разобраться без суеты! Выходи строиться!

Голос старшины Петрова звучал громче обычного, но спокойно.

Подтянутый, застёгнутый на все крючки, старшина выглядел так, словно и не ложился спать, словно всё происходило в середине дня, а не глухой ночью.

Распоряжения следовали одно за другим.

— Собрать вещевые мешки!

— Командирам отделений проверить обмундирование и снаряжение!

— Приготовить собак и нарты к погрузке!

На дворе уже тарахтели машины — старенькие полуторки с фанерными кузовами. В них и надо было забраться всем — девушкам вместе с собачьими упряжками.

Девушки понимали — пришло их время. Предстояло, конечно, ехать на передовую, может быть, в самую гущу боя. На войне это очень просто.

Но в бой они попали не сразу. Команду выгрузили на опушке негустого леса.

— Соблюдать тишину, не зажигать огня, не включать фонариков, — строго предупредил старшина. — За лесом — Нева, а на том берегу — немец.

Голос его стал мягче.

— Понятно, размять руки, ноги можно и собак привести в порядок тоже, но только без шума.

Тут, в лесу, им предстояло жить.

Землянок не было. Разместились в шалашах из еловых веток. Плотные хвойные лапы, набросанные на землю, служили постелями. Еловые подстилки набросали и для собак.

Легли, положили вещевые мешки вместо подушек. Заснули быстро, а когда проснулись, не сразу поняли, что случилось. Многие не могли поднять головы — волосы примёрзли к мешкам!

В светлое время надо было вести себя особенно осто-

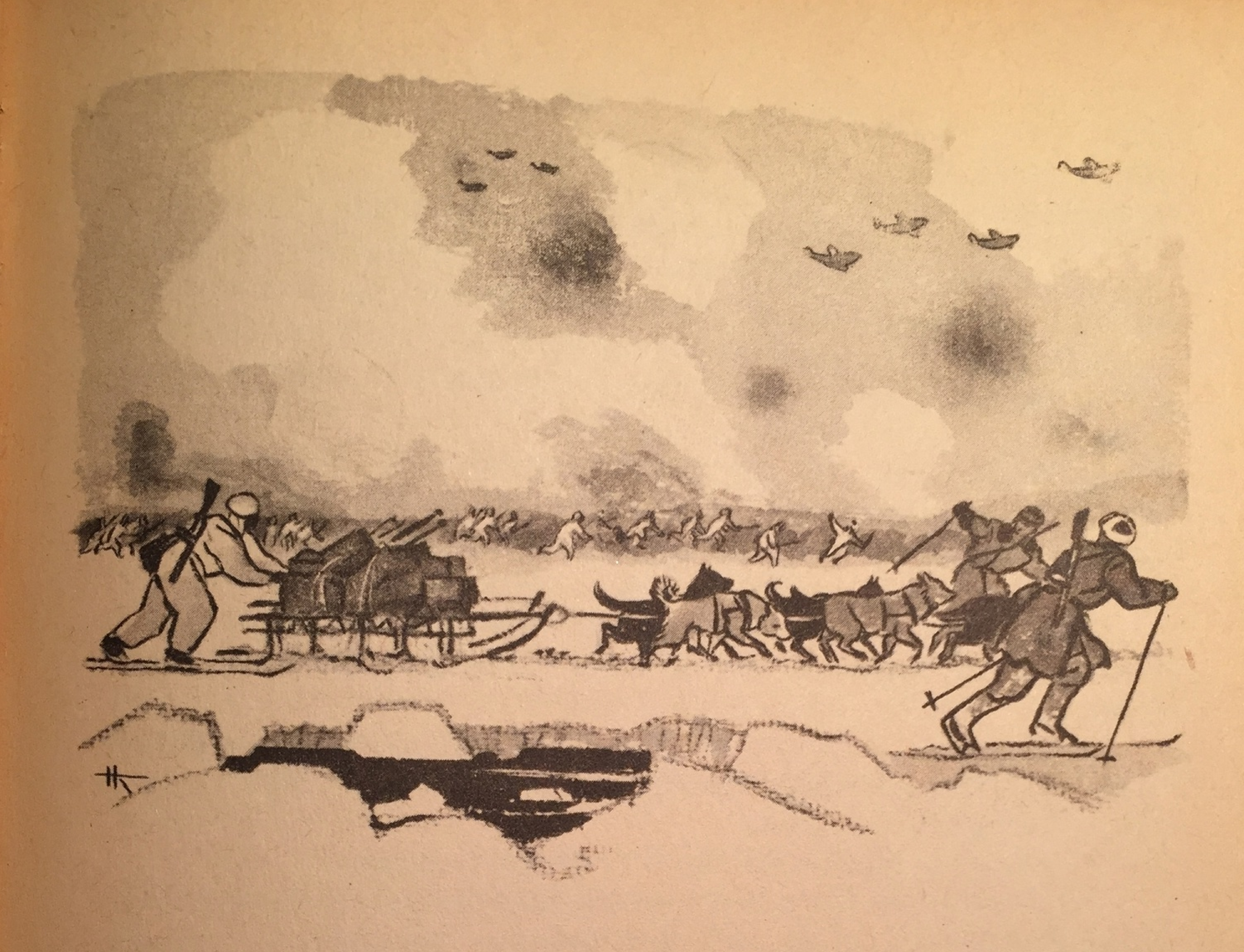

рожно. Даже полевая кухня не приезжала до темноты. Тогда и обедали, а днём ели всухомятку, пили холодную воду. И круглые сутки нельзя было снять тяжёлую, непривычную зимнюю одежду — ни валенки, ни ватные брюки, ни куртку.

Всё равно в шалашах не унывали. Рассказывали весёлые, смешные истории, подшучивали друг над другом. Девушки чувствовали себя солдатами-фронтовиками.

На душе было радостно и тревожно. Спокойно ждать боя, да ещё первого, никто не может, но цель предстоящего наступления все понимали — разорвать блокаду. Потому хотелось, чтобы оно началось скорей.

Ещё секунду до этого над Невой стояла тишина, точно и не было войны, точно не прятались десятки тысяч людей в заснеженных лесах по берегам. И вдруг земля заходила ходуном от артиллерийской грозы. Не только девушки, молодые

солдаты, но и опытные командиры ещё не слышали, чтобы «бог войны» — так называли артиллерию — бушевал с подобной силой.

Огненные полосы «катюш» расчертили небо над лесом. Это был сигнал к атаке. Вместе с залпом «катюш» поднялась, устремилась на лёд Невы пехота.

Старшина собрал всю команду. Пехотные полки только ещё пересекли замёрзшую реку. Бои шли в немецких траншеях на левом берегу, а девушки со своими упряжками уже выдвинулись на самую бровку правого берега. И вот первые нарты понеслись по снежному простору Невы. Лёд на реке был неровный, торосистый. Во многих местах его пробили снаряды и в широких дырах чернела ледяная вода.

Переправу через реку навести ещё не успели. Ни тяжёлые танки, ни даже грузовики пока не могли попасть на другой

берег. Солдаты, проваливаясь в снег, катили на руках полковые пушки. Но девушки уже одолевали ледяное поле, они устремились в гущу боя и подгоняли собак.

Немецкая артиллерия опомнилась после полученного удара и яростно обстреливала Неву. Визжали осколки, тяжёлые фонтаны воды вздымались из-под разбитого льда. Для многих девушек это было боевым крещением. Старшина Петров размашисто бежал на лыжах вместе с ними и торопил:

— Нажимай, девчата, давай чемпионскую скорость!

Важно было скорее проскочить открытое, простреливаемое вражеской артиллерией пространство реки.

— Глядите на полыньи! — кричал он на ходу.

Чем ближе к левому берегу, тем воронок во льду становилось всё больше. Вражеские снаряды долбили его и долбили.

— Глядим, видим, — озорно отвечали девушки. Лица их были радостно оживлены, глаза блестели. — Передовая-то скоро, товарищ старшина?

— Далеко ещё, — кричал Петров, — гоните!

Он быстро на бегу вытирал глаза рукавицей. От сильного ветра выступали слёзы. «Ну и отчаянные девчонки», — проносилось в голове. Они просто не хотели понимать, что тут уже и есть передовая.

Наконец Нева осталась позади. Девушки сваливали с нарт в только что отбитые у врага траншеи свой груз — мины, мотки проволоки, стальные щитки, за которыми могли укрыться пехотинцы, дравшиеся на открытом месте. Разгрузив сани, сразу бросались к раненым. Раненых тут было немало. Не всем ещё успели оказать первую помощь. Надо было перевязать их и уложить на носилки, установленные на нартах.

Даже не передохнув, девушки отправились в обратный рейс. От них сейчас зависела жизнь людей.

Сделали один рейс, затем второй, третий... Опять и опять бежали упряжки через непрерывно обстреливаемую реку, на которой не было никаких укрытий. Только неровный лёд, укутанный снежным одеялом.

УПРЯЖКИ МИЛОСЕРДИЯ

Первую немецкую траншею на левом берегу наши войска преодолели быстро, с ходу. Она была разбита артиллерийским огнём. Дальше бой становился всё упорнее и тяжелее. Потери росли. Раненые слабели на морозе, в снегу. Каждая из девушек понимала, как надо спешить.

Носилки были на нартах узенькие, простые санитарные носилки. Класть на них полагалось по одному раненому. Но пока сделаешь рейс через реку, пока вернёшься назад... Лиза Самойлович огляделась вокруг. Спросить было некого.

— Клади ещё одного! — крикнула она.

— Да ведь не потянут собаки, не поднимут на тот берег, — с сомнением отозвалась напарница. Но она уже бережно тащила второго раненого к нартам.

— Не потянут, так поможем, — сказала Лиза. — Мы поможем с тобой.

Она скинула полушубок, накрыла им второго бойца. Затем впряглась в постромки.

— Давай, Мигуля, вывози!

Вожаком в упряжке был Миг, собака, которую Лиза воспитывала ещё в клубе.

Так шли один за другим эти рейсы. Опять и опять через Неву.

В это время другие сапёры уже устраивали переправы, прокладывали ледовые дороги через реку. Но пока дорог было ещё мало. Немецкая артиллерия гвоздила по ним. А собачьи упряжки бежали через реку без дорог, по снежной целине. Никто не преграждал им путь.

Не всякий раненый позволял уложить себя в нарты. Некоторые побаивались. Они впервые видели собачьи упряжки.

— Не беспокойтесь, сестрёнки. Спасибо за перевязку. Теперь уж я подожду здесь, пока заберут...

Приходилось уговаривать.

— Да зачем вам лежать тут, мёрзнуть? Поедете в нартах

лучше, чем барин в карете, — заставляла себя шутить Нина Бутыркина. — Оглянуться не успеете, и уже, пожалуйста, доставили вас в медсанбат.

Решительная Вера Александрова не тратила времени на споры. Укладывала раненого в нарты и — пошли!

Один раз Вера повезла через Неву немолодого офицера. Всю дорогу он лежал, закрыв глаза, и слова не проронил. Только кусал губы. У него была тяжёлая рана, и он очень страдал. Вера видела это и гнала собак.

Подъехали к медицинскому пункту, начали снимать раненого с нарт. Он отстранил руки санитаров, тихим, прерывающимся голосом спросил:

— Где мой вещмешок?

— Да здесь он, никуда не денется.

Подошёл врач:

— Несите раненого на стол.

Офицер отрицательно мотнул головой.

— Вещмешок... Без него не позволю нести.

— Вот он, ваш мешок. Нашли о чём думать! — рассердилась Вера.

— Хорошо, — сказал офицер, — развяжите.

Он медленно, морщась от боли, засунул в мешок руку и вытащил полкружка́ копчёной колбасы. Должно быть, получил её в посылке с Большой земли.

— Возьмите, — сказал офицер. — Для ваших собак.

Затем достал маленький пистолет — трофейный.

— А это вам, девушка... на память. И спасибо.

* * *

Наши войска шаг за шагом двигались вперёд, пробивали блокадное кольцо. Девушки возили раненых.

Они уже не ездили через Неву. Санитарный батальон, куда доставляли раненых, перебрался на левый берег. Взводы разместились в землянках, откуда выбили врага.

Однажды в землянку, где находилась девичья команда, зашёл старшина. В руках у него была тетрадь.

— Сегодня я послал командиру батальона донесение, —

сказал он. — Там одни цифры. Некоторые скажут «бухгалтерия». А я считаю — эту бухгалтерию надо всем знать. — Егор Степанович помолчал, внимательно всматриваясь в лица. — Так вот, выходит, что вы, девушки, вывезли с поля боя тысячу восемьсот раненых. Послушайте. — И старшина прочёл список.

Одна Вера Александрова спасла восемьдесят раненых, Лиза Самойлович — семьдесят два, Нина Бутыркина — сорок шесть.

Девушки слушали, и горячие зимние дни оживали в их памяти. Они вспоминали подруг, которых уже не было с ними в строю.

...С Невы команду перебросили под Красный Бор. Там разгорелись новые бои.

Опять ехали несколько часов, тряслись в тесных кузовах старых полуторок. Не успели оглянуться, как попали в самое пекло.

Старшина Петров только доложил о прибытии началь-

нику медицинской службы стрелкового полка. Он ещё стоял, приложив руку к ушанке, а пожилой врач, майор, кинулся к нему, обнял, словно старшина был его сыном.

— Милый ты мой, санитарные упряжки привёл... Да ты знаешь, как мы вас ждали? Там раненые, а выносить их не успеваем... Замерзают люди!

Времени терять не приходилось. Девушки побросали вещевые мешки в снег и стали запрягать собак. Через несколько минут бежали туда, где торопливо стучали пулемёты.

— Вперёд, Дейка! — поторапливала любимицу Вера Александрова.

— Вперёд, Миг! — кричала вожаку своей упряжки Лиза Самойлович.

ЛЕГЕНДА ИЛИ БЫЛЬ

Под Красным Бором Петрова опять ранило. Егор Степанович ни за что не хотел ложиться в госпиталь. Врач даже прикрикнул на него:

— Ходить не можешь, какой из тебя командир? Одна обуза. В госпитале быстро вылечат, а тут в конце концов останешься без ноги.

На Большую землю Петрова не отправили. Это было хорошим признаком. Значит, врачи правда рассчитывали, что он скоро вернётся в свою «девичью команду».

...Старшина лежал на койке, вспоминал недавние дни. Почему-то вспомнилось, как Нина Бутыркина призналась однажды:

— Знаете, таскаешь вот нарты целый день, вымотаешься вконец. Ведь не одни собаки тащат, мы с ними наравне, можно сказать. Под огнём, все мокрые на морозе. Ни о чём не думаешь, когда раненые на руках. А они кровью исходят, надо везти.

Вот ездишь, бегаешь и вдруг почувствуешь: всё, нет больше сил, невозможно это дальше переносить. Ну, сядешь

в сторонке на снег и заплачешь. Просто ревмя ревёшь. Никого нет рядом, никто не видит, так что не стыдно. Конечно, когда раненых везёшь, тогда не присядешь и нюни разводить не станешь. Это, когда с грузом или порожняком...

Ну, сидишь, слёзы льёшь. Упряжка собьётся возле тебя. Собаки морды кладут на колени, лижут, поскуливают, тоже вроде плачут. Посидишь так минутку, потом вытрешь лицо, поднимешься — пошли! Опять бежим. Откуда только берутся силы?

Так говорила Бутыркина. А Петров знал, что она не очень-то любит откровенничать.

Задумавшись, старшина не сразу услышал разговор, который завязался в другом конце палаты. Говорил, собственно, один человек, лейтенант. Лейтенант лежал на крайней койке. Бинты туго стягивали его грудь, руки и шею. Поворачиваться он не мог и говорил каким-то ровным, бесцветным голосом, глядя в потолок.

— Знаете, как я живой остался? — услышал Петров. — Собака меня спасла. Вот ведь что бывает.

— Бредит, — заметил кто-то.

— Ничего я не брежу, — все тем же ровным бесцветным голосом отозвался лейтенант. — Поднялись мы в атаку, и накрыл нас этот «ишак» — миномёт шестиствольный. Сколько уж я без сознания пролежал, не знаю. Мне здорово досталось — во всём теле осколки. В общем, лежал я без сознания, а собака эта меня нашла и давай лицо лизать. Открыл глаза — надо мной псиная морда. Огромная, шерсть на ней рыжая, лохматая, густая. Здоровая зверюга! Пёс сразу понял, что я в себя прихожу, поворачивается ко мне чёрным своим боком. Морда, значит, у него рыжая, бок чёрный. Интересный пёс. И самое интересное, что на чёрном боку у него вроде сумка висит. Ощупал я сумку. Батюшки, да там же фляга, честное слово! Хлебнул — чистый спирт, так внутри и пошло огнём.

Егор Степанович поднялся со своей койки и заковылял к лейтенанту.

— Вроде оживать я стал, — продолжал тот, — а вообще совсем слабый был, фляжку еле-еле мог удержать.

— Вас где ранило, под Красным Бором? — спросил Петров.

— Там. Да ты дальше слушай. Только у меня в голове стало проясняться немного, гляжу: собаки уже и след простыл. Исчезла. А я лежу и в сон меня клонит — от слабости от этой и от мороза. В атаку мы засветло шли, а тут уже ночь. Тихо, даже стреляют мало, но холод такой, что беда. Я понимаю, нельзя мне спать, окончательно замёрзну. Для чего меня собака тогда в сознание приводила? И так мне обидно стало, что вот, признаюсь, ребята, заплакал я там на снегу. Обидно и жалко себя. Ведь понимаю, что долго не пролежать мне, раненому, в такой стуже. Лежу, плачу, и слёзы на щеках замерзают.

— А дальше что было? — спросили из другого конца палаты. Видно, лейтенанта слушали все. Другие разговоры совсем прекратились.

— А дальше я уснул всё-таки. Или сознание потерял. Очнулся от того, что меня в бок толкают. И что ты думаешь?

Собака снова надо мной стоит. Не одна, целая уже свора их. И девушка с ними. Перевязала меня девушка, взвалила на санки, и собаки повезли. Так и доставили в медсанбат.

— Подумай, до чего умные твари! — заговорили в палате.

— Я тоже слышал про санитарных собак, которые раненых находят. Они ещё во время прорыва блокады были. Мы-то воевали там.

— Раненых не собаки, девушки находят, — сказал Петров. — На собаках возят только.

— Что ж, я вру, по-твоему? — спросил лейтенант. Его голос стал раздражённым.

— Собака эта какая была из себя? Рыжина на голове у неё, вокруг глаз больше? Восточно-сибирская лайка?

Петров подсел к лейтенанту. «Будто Орлика описывает», — подумалось ему.

— Не разбираюсь я в породах. Говорю тебе — морда огромная, рыжая. А глаза у неё совсем человечьи, всё понимает. Видно, потому и посылали на поиск раненых, что сильно умная собака.

Петров хотел сказать, что никто собак на поиск не посылает. Примерещилось это лейтенанту, когда он лежал с помутнённым сознанием. Уж Петров-то мог всё точно объяснить. Но промолчал. Не хотелось расстраивать тяжелораненого. Да лейтенант сейчас и не поверил бы ему.

Петров знал, что на фронте слагаются легенды о собаках, которые вывозят раненых с поля боя, из-под огня. При рождении такой легенды он и присутствовал теперь.

6

ОПЯТЬ В СОСНОВКЕ

Всю зиму «девичья команда» возила раненых. Весной, когда начали идти дожди, нарты заменили низенькими тележками на колёсах с резиновыми шинами. И снова упряжки милосердия неслись в бой.

...А вскоре пришёл приказ. Команду отзывали назад, в Сосновку. В Сосновке, в старом бараке, где девушки жили прошлым летом, Лиза Самойлович снова встретилась с Ритой Меньшагиной. Они не виделись давно, с тех пор, как Риту перевели во взвод связи. Подруги обнялись и целый вечер просидели на нарах.

— Знаешь, — говорила Рита, — у нас тут совсем новая работа начинается. Очень интересная. Наверно, и вас потому сюда отозвали.

— Какая работа? Ты расскажи подробно, — просила Лиза.

— Да я сама всего не знаю. Будут занятия, Петров объяснит...

В бараке было шумно. У девушек давно не выдавалось свободного вечера. Теперь вот выдался. Сидели группками,

болтали, пели песни. Вера Александрова затягивала смешные частушки, другие подхватывали лихой припев.

Лиза всё тормошила Риту.

— Ну правда, что ты скрываешь? Расскажи, что за новая работа?

— Да помнишь, Петров как-то говорил о секретном деле? Так вот — будем теперь мины искать. Вместе с собаками. Ведь сколько мин наставлено кругом. Миллионы!.. Наши сапёры ставили, немецкие тоже. Теперь расчищать надо. Тяжёлое очень дело. Вот и решили для поиска мин использовать собачье чутьё. Собака же любой запах чует издалека.

— Но мина всё-таки не одеколоном начинена, а взрывчаткой! Взрывчатка ничем не пахнет.

— Для человека не пахнет, а собака чует. Собака хорошо находит взрывчатые вещества. Оказывается, уже много опытов было.

— Здорово! — сказала Лиза. — Кажется, всё про собак знаю, про их чутьё. Но это действительно новость. Значит, на минные поля пойдём?

— Сперва ещё учиться будем и собак учить.

...Долго ждать занятий не пришлось. Они начались на следующее утро. Старшина Петров пришёл в класс вместе с двумя солдатами, которые несли мины разных образцов.

— Ну кто бы мог подумать, что их так много? — развела руками Лиза.

— Тут часть только, — сказал старшина. — Познакомьтесь с этими, потом узнаете и другие.

Только теперь девушки узнали, как хитро и по-разному устроены мины, сколько опасных неожиданностей они скрывают в себе. Одни мины были из металла, другие из досок, из фанеры, из картона, из толя. Внутри каждой — взрывной заряд, иногда каких-нибудь пятьдесят граммов всего. И этого, оказывается, достаточно, чтобы тяжело ранить или даже убить человека.

И устроены мины по-разному. Одни взрывались, если на них наступали или наезжали, другие — если кто-либо задевал за проволочку, нитку, незаметно тянущуюся в траве или кустах.

И любое устройство девушки должны были выучить назубок. Недаром говорят, что минёр ошибается только один раз. А кроме того, перед «девичьей командой» стояла трудная задача — дрессировать собак-миноискателей.

Обычно мины искали на ощупь. Кололи землю железным прутом-щупом: не наткнётся ли он на мину? Или выслушивали землю прибором. Только прибор не каждую мину слышал, а лишь ту, которая была сделана из железа. Опасная это работа. А у собак чутьё — лучше всякого прибора! Собаки остро чуют запах взрывчатки и могут отличить его от тысячи других. Вот только научить их этому было не так-то легко.

Вначале многим даже казалось, что искать мины с помощью собак — пустая затея. Никто ведь не делал этого раньше. Выйдет ли что-нибудь?

ИЩИ, ЖУК!

Летом 1943 года, когда солдаты-минёры уже научились новому делу, решили показать их работу с собаками офицерам из разных сапёрных частей. Занятие проходило в Ленинграде, на пустыре возле старого кладбища.

Собрались военные инженеры, приехали опытные командиры — генералы, полковники. Были и молодые—лейтенанты, только что получившие звёздочки на погоны. Всех интересовало, как станут работать минно-розыскные собаки.

Лейтенанты подшучивали, посмеивались: «Что же это, бобики и шарики стали сапёрами?» Но шутки шутками, а дело — все понимали — было серьёзное.

Командир батальона сказал собравшимся:

— Мы сейчас отсюда уйдём. Вы уж сами минируйте пустырь, как вам нравится. И мины ставьте, какие хотите. Все мины — учебные, без взрывателей, но со взрывчаткой внутри. Маскируйте по-настоящему. Потом посмóтрите, как наши минёры с собаками будут их разыскивать, сколько потратят времени, много ли пропустят.

Комбат увёл свою команду, а офицеры принялись за дело. Минировали хитро, тут были и впрямь мастера.

— Ну, бобики высунут языки!

Шутки стихли, едва сапёры с «бобиками» вышли снова на пустырь. Собаки двинулись по новому минному полю. У каждой была своя полоса — шесть метров в ширину. Минёры держали их на длинных поводках-шнурах. Собаки сновали — на три метра вправо, на три метра влево и каждый раз забирали вперёд. Так они успевали обнюхать, проверить всю полосу земли. Шли весело, время от времени оглядываясь на хозяев. Чуткими носами ловили запахи, доносившиеся из густой травы. Пахло сыростью, уже увядающими растениями, мелкими животными, которые жили на пустыре, больше всего мышами. Эти запахи собак не беспокоили. Но как только возникал другой, ещё чуть уловимый запах взрывчатки, собака сразу менялась. Она начинала вертеть хвостом, сопя, обнюхивала подозрительное место.

— Ищи, Жук! — подбодряла своего пса Рита Меньшагина. Она шла по краю заминированного пустыря.

Жук повернул к ней голову, посмотрел на хозяйку умными, понимающими глазами и начал ещё усерднее внюхиваться.

Над самой миной запах становился резче. Собака, чуя его, радостно облизнулась. Она села возле места, откуда шёл этот запах, зная, что сейчас получит какое-нибудь лакомство.

Рита, прокалывая землю длинным двухметровым щупом — палкой с металлическим стержнем на конце, не спеша подошла к собаке. Увидела, что Жук не ошибся, и сразу дала ему прядку сушёного мяса. Затем спокойно достала взрывчатую находку из земли. И они пошли дальше.

Так поступали все минёры. Угощение для собак приготовил каждый. Без этого их просто не пустили бы на разминирование. Угощения были разные — и кусочки вяленой конины, и сухари, и даже сахар. Каждый знал, что больше всего любит его пёс.

Пустырь у кладбища быстро очищался от взрывных зарядов. Армейские инженеры, стоявшие по сторонам, следили за этой работой, удивлялись и восхищались. Спрашивали:

— А много ли в батальоне таких собак? Кому их придадут?

Все хотели заполучить к себе четвероногих минёров.

— В поле собаки работают прекрасно. Это мы видим, — сказал присутствовавший на занятиях генерал. — А смогут ли они находить мины в домах? Способна ли ваша собака на это?

Генерал думал о предстоящем наступлении, он знал, что придётся разминировать целые города. Фашисты везде наставят смертоносные ловушки.

Командир батальона ответил генералу:

— Мы к работе в домах собак не готовили. Не успели ещё. Но думаю, что они будут находить мины и там.

— Ну так давайте сейчас устроим проверку! — И генерал отдал приказание: — Заминируйте дома, в которых размещены армейские сапёры. Мины ставьте без взрывателей, как делали тут на пустыре, но всё остальное чтоб было по-настоящему, точно для фашистов.

Солдаты жили в цехах химического завода. Завод не действовал давно, почти год, но едкие запахи химических веществ не выветрились за это время. Это, конечно, затрудняло работу собак.

Да и сапёры постарались. Устанавливали мины в самых неожиданных местах. В комнате, где жили водители машин, мину засунули в печную трубу. На стенах висела шофёрская одежда, промасленная, пропахшая бензином. Как тут унюхать взрывчатку?

Рита очень волновалась за своего питомца. И напрасно: Жук сел именно под трубой и беспокойно втянул воздух влажными подрагивающими ноздрями. Он словно бы говорил хозяйке: «Загляни туда, там есть что-то!»

Рита вызвала свистком старшину. Они вместе осмотрели трубу. Так и есть, нашли мину!

Все дома, где размещались сапёры, были быстро очищены от взрывчатки. Генерал выслушал рапорт и недоверчиво посмотрел на командира батальона:

— Что же вы, майор, говорили, что не готовились к работе в домах? Собаки действуют так, словно век искали тут мины...

— В помещениях они работают первый раз, товарищ генерал, это правда, — ответил комбат. — Но ведь они приучены искать по запаху, а запах у взрывчатки один — и в поле и в помещении. Значит, не изменяет им чутьё!

С МИНОЙ ШУТКИ ПЛОХИ

Егор Степанович любил повторять, что собаку трудно учить, а ещё труднее переучивать.

Лиза Самойлович подхватывала слова старшины и для пущей убедительности рассказывала какой-нибудь интересный случай.

— Понимаете, — говорила она, — какая неприятность вышла раз на границе. Бойцы выследили человека, который

хотел уйти в чужую страну. Это был не простой нарушитель, а очень опасный агент, крупный шпион. Бойцы пустили по его следу собаку. Она нагнала шпиона, вцепилась зубами в его ватную куртку. Ещё минута — и подоспеют пограничники, схватят шпиона. Только он сумел извернуться. Скинул ватник и побежал дальше. А собака не побежала за ним. Она держала ватник, как добычу, в зубах, и сидела на месте. Много ещё хлопот было у пограничников, пока поймали того шпиона...

— Кто же виноват? — спрашивали девушки.

— Неужели вы ещё не догадываетесь? — У Лизы от удивления округлялись глаза. — Конечно, виноват был дрессировщик. Собаку учили хватать людей, одетых в ватники. Ведь на занятиях настоящих шпионов нет! Их роль исполнял кто-нибудь из своих, а чтобы собака не искусала, надевал ватник. Вроде всё правильно. Но собака, видно, поняла так, что ей надо охотиться за ватниками, а не за нарушителями!

— Подумать только! — ахали девушки. — До чего хитрое дело. Тут и не хочешь, а сделаешь ошибку.

— То-то и оно, что ошибаться нельзя, — говорила Лиза и довольно смотрела на старшину. Пусть оценит, как она правильно всё объясняет. — Эти ошибки были давно. Тогда наши дрессировщики не имели опыта. Теперь они таких ошибок, конечно, не делают.

Старшина молча кивал головой. Он думал о том, что опыта миннорозыскной работы с собаками ещё ни у кого нет, а ошибки действительно делать нельзя.

Иногда, закапывая на учебном поле заряды взрывчатки, минёры ставили возле каждого маленький колышек. По колышкам им было легче проверять работу собак — всё ли они нашли, не пропустили ли чего-нибудь? А хитрые животные тоже приметили колышки, начали искать их, а вовсе не мину!

— Вот дурные псы, — раздражалась Зина Филимонова.

— Не они виноваты, — возражал старшина. — Собака ошиблась — вина твоя. Ты сделала что-то неправильно, тебе исправлять.

Как и в прошлое лето, девушки занимались целые дни с подъёма до отбоя.

— В поле вы должны замечать всё — каждый бугорок и каждую ямку. Там может быть мина, — говорил им старшина. — Увидишь, что трава в каком-то месте стала выше, сочнее, обрати внимание и на это. Возле старых мин трава лучше растёт.

Егор Степанович твердил, что любая ниточка, натянутая от земли к кусту или колу, любая проволочка — всё это может вести к смерти. Стружка, неведомо откуда взявшаяся в лесу, пожелтевший обрывок упаковочной бумаги — всё должно привлечь внимание. Не след ли это, оставленный врагом? И засечка, сделанная на стволе дерева, заломы веток, палочка, забитая в землю... Почему они тут? Не подумаешь об этом — пропустишь мину, а то и целое минное

поле. Потом на нём подорвутся наши люди. Да и сам можешь взлететь на воздух.

Девушек учили работать даже с завязанными глазами. Дадут мину в руки — и, будь добра, определи на ощупь, какая она? Точно, без малейшей ошибки. И разряди, не снимая с глаз повязку. А что, если придётся разминировать поле ночью, на переднем крае? Там тебе никто не будет светить.

Ставили учебные мины и за фанерный щит. В щите было отверстие, в которое проходили только руки. Вот залезь руками туда, нащупай мину и разряди, не видя. Девушки работали ловко. Работа даже начинала походить на забаву.

— Опять будем с минами в прятки играть? — спросила как-то Зина Филимонова.

— Я вам покажу игру! — рассердился старшина.

И стал в учебные мины вставлять пистоны, чтобы они выстрелили при ошибке. Это было не опасно, а внимание привлекало.

На следующем же занятии Филимонова и попалась. Она вывёртывала взрыватель, дёрнула его, и пистон от рывка сработал. Из мины вырвался огонь. Небольшой огонёк, по правде сказать, но Зина громко вскрикнула и бросила мину. Она не сразу поняла, что взрыва нет, что её не ранило. Потом смущённо смеялась:

— Ну, нагнали вы на меня страху!

— Теперь понимаешь, что за игра с минами? — сказал старшина. — Эта мина была учебная. А если бы боевая? Тут шутки плохи.

„ДЕВОЧКИ, СТАРШИНА ПОДОРВАЛСЯ!"

Наконец команда вышла на минное поле. Знакомые места между Колпином и Красным Бором. Наши и немецкие мины перемешались на этом участке.

Егор Степанович построил команду, прошёлся перед шеренгой девчат.

— Сейчас нарежем полосы для каждого минёра и приступим к работе.

Голос его звучал глухо и хрипловато. Он сам это почувствовал и рассердился. Ещё не хватало, чтобы бойцы заметили, как их начальник волнуется.

— Вы обязаны сделать эту землю безопасной для наших солдат. По ней должны пройти и пехота, и артиллерия, и танки. Всё делать строго по правилам, — раздельно проговорил он. — Нам от правил отступать нельзя. Помните, что крупные мины мы разряжаем на месте. Мелкие — не разряжать вообще. Все мелкие мины в картонных и жестяных баночках надо собирать в штабель. Потом подорвём их.

И вот девушки пошли, каждая на свою полосу. Работали молча, не перекликались. Кололи землю щупом, осторожно, тихонечко разгребали её вокруг найденной мины. Мин было много, они стояли очень плотно.

Егор Степанович ходил от одной девушки к другой. Он старался поспеть к каждой, проверить, помочь. Но прежде чем сделать шаг по минному полю, старшина тоже пускал в дело щуп, обязательно прокалывал то место, куда собирался поставить ногу. Первое правило минёра — «без щупа ни шагу».

— Что не ясно — не мудри, зови меня! — повторял он девушкам.

Уже в конце дня, шагая по проходу, Егор Степанович заметил, что Аня Родионова стоит в нерешительности на своей полосе, разглядывает что-то, должно быть, очередную мину. Петров поспешил к ней. Аня была девушкой спокойной, рассудительной. Если она растерялась, значит, дело неладно.

У ног Ани лежала мина в совсем прогнившем деревянном ящике. Место сырое, мина, видно, поставлена давно... А что с зарядом, который в ящичке? Этого никто не знал.

— Выходи в проход, шагов на пятьдесят, — скомандовал Егор Степанович. — Быстро!

Он проводил Аню взглядом, затем нагнулся и осторожно поднял мину.

Один бок ящичка сразу отвалился. Фанера, из которой

он был сделан, распалась по слоям, похожим на старую газетную бумагу. Тротиловая шашка внутри была цела. Целым выглядел и взрыватель. Как будто разрядить недолго. Мина наша, Егор Степанович тысячу раз держал такие в руках.

Но просто всё выглядело только на первый взгляд. Егор Степанович посмотрел на металлическую чеку, удерживающую ударник, тот самый стерженёк, который, ударяясь о капсуль, взрывает мину. Чека совсем проржавела. Это была уже не сталь, а сгусток коричнево-рыжей грязи. Егор Степанович взялся за ударник двумя пальцами. Шероховатый, тоже изъеденный ржавчиной стерженёк сразу ожил. Чека развалилась от первого прикосновения. Теперь ударник удерживали только пальцы. Ослабь их немножко — и произойдет взрыв.

Надо было вставить в ударник новую чеку, проволочку, которая была у Петрова в сумке. Но как её вставишь? Отвер-

стие в ударнике забито твёрдой землей. Чека туда не полезет. А долго удерживать ударник двумя пальцами невозможно.

Что будет, если толовая шашка взорвётся у него в руках, старшина хорошо понимал. Тогда он уже наверняка отвоевался. «И как это подействует на девушек?» — подумал Егор Степанович.

Оставалось только одно. Старшина сильно взмахнул правой рукой, швырнул мину вперёд, как мог далеко, и стремительно упал на левый бок.

Мина взорвалась в воздухе. Но всё-таки она уже отлетела на какое-то расстояние: в старшину попали только щепочки, немного поцарапали да порвали гимнастёрку.

Егор Степанович встал оглушённый. Осмотрел себя и вышел в проход. А по проходу бежала Аня Родионова. Она видела взрыв, видела, как упал Петров.

— Девочки, старшина подорвался! — кричала она.

Егор Степанович догнал её и взял за плечо.

— Ничего я не подорвался! Всё в порядке...

В ушах гудело, он еле слышал собственные слова, но ему вдруг стало радостно и легко.

— Зачем панику поднимаешь? — засмеялся он, глядя на растерявшуюся Аню. — За это ведь здорово может попасть, особенно по законам военного времени!

7

ПРЫГАЮЩАЯ МИНА

Это была сложная, хитро устроенная мина. Её звали «эской», или прыгающей миной. Прежде чем взорваться, она подпрыгивала на метр-полтора, и только потом, в воздухе, срабатывал её заряд. Три сотни круглых пуль-шрапнелей разлетались на большое пространство, убивая людей.

Казалось, от этой мины нет спасения. Но сапёры заметили одну особенность. Взрыватель «эски» срабатывал с громким щелчком. Стакан с пулями вылетал через какую-то долю секунды после щелчка. Вот этой долей секунды и можно было воспользоваться, чтобы как-то укрыться, спасти свою жизнь.

Егор Степанович старался втолковать девушкам всё это.

— Но что можно успеть за долю секунды, за короткое мгновение? — недоверчиво спрашивали они.

— На войне от мгновения часто зависит жизнь, — возражал старшина. — Упустил его, и уже не поправить дело.

Зина Филимонова, слыша это, передёргивала плечами. Другие тоже, как видел старшина, не очень верили, что от «эски» можно спастись. Петров огорчался и всё думал, как их убедить.

«Лучше, — решил он, — чтобы об этой коварной мине рассказали люди, которым уже приходилось иметь с ней дело».

Такие люди в батальоне были. Одним из бывалых сапёров оказался совсем молодой офицер, младший лейтенант Иван Ногаев. Бойцы Ногаева любили. Это был весёлый и смелый парень. С ним охотно шли на опасное задание, знали — Ваня Ногаев не подведёт. И правда, минировал Ногаев мастерски. И столь же мастерски снимал чужие мины, как бы хитро враг их ни маскировал.

Ногаев рассказал девушкам, как однажды находчивость спасла ему жизнь.

— Работал я в поле, — говорил лейтенант, — трава стояла уже высокая, густо покрыла землю. Конечно, это не оправдание, всё равно я должен был заметить «эску», обнаружить щупом. Но, честно признаюсь, не нашёл её. В траве были проволочные усики мины, очень маленькие, правда. Я их и не увидел, зацепил ногой.

Мину не заметил, но щелчок услышал. Хлопнуло гулко. И в то же мгновение я бросился на землю, плашмя лёг рядом с миной. Времени раздумывать не было. От щелчка до взрыва ведь какая-то доля секунды! Бросился на землю, сразу раздался взрыв. Очень сильный — грохот и звон вместе. Всё это над самой моей головой. Оглушило, тряхнуло меня здорово. Что-то ударило в спину. Признаюсь вам, решил, что смерть пришла, конец мне. Но полежал секунду, другую. Чувствую, побаливает в спине и жжёт. Раз чувствую — значит, не умер!

Подвигал осторожненько руками, ногами, приподнялся. Тело слушается меня. Только уши словно паклей забиты. А так, видно, пронесло беду, смерть рядом прошла.

— И нисколечко вы не пострадали? Мина над головой разорвалась, а вам ничего? — переспросила Аня Родионова.— Просто чудеса какие-то.

— Нет, именно не чудеса. Всё так и должно было случиться. Вы поймите, то и спасло меня, что взрыв был над головой. Я попал в мёртвое пространство, куда пули не летят. Их кругом разнесло. Метров на сто со всех сторон кусты и траву посекло, а меня ни одна не достала. Только к фельдшеру нашему и обращался. Она мне сделала пере-

вязку, впрыснула чего-то. До свадьбы, говорит, заживёт. А я посмеялся, что до свадьбы далеко, я столько ждать не согласен. Счёт с фашистами у нас большой... — Ногаев замолчал. — Если вопросов нет, продолжайте дальше занятия!

Он улыбнулся, встал и пошёл — ладный и тоненький, совсем ещё мальчишка. Тогда Ногаев не думал, что ему придётся командовать девушками, что некоторые из них попадут к нему в подчинение. Но вышло именно так. Часть «девичьей команды» направили в его взвод.

ВЗРЫВ

Взвод Ногаева работал вдоль дороги из Колпино к станции Поповка. Работа шла спокойно, спорилась. Со стороны трудно было поверить, что девушки всего несколько дней назад впервые вышли на разминирование. Всё шло гладко, пока Аня Родионова не натолкнулась на пустой металлический стакан, который стоял в траве. Аня осторожно, сдерживая дрожь в пальцах, ощупала стакан, затем поднялась и быстро замахала флажком, вызывая командира.

— Товарищ младший лейтенант, похоже, что тут стояла «эска». По-моему, стакан от неё.

Ногаев подошёл к Ане.

— Правильно, — сказал он. — Молодец, Родионова. «Эска» это, точно. Только сработала она уже давно.

Он посмотрел на густую траву вдоль канавы и распорядился:

— Идите на дорогу. Я посмотрю дальше. Наверно, тут ещё есть мины. Вряд ли фашисты всунули только одну.

Он стал спокойно, аккуратно прощупывать землю, прокалывая её через каждые пять — десять сантиметров. Аня молча стояла в стороне.

Времени прошло много, а может быть, оно просто очень тянулось. Аня внимательно следила за каждым движением младшего лейтенанта, смотрела, как уверенно и ловко дей-

ствует он своим коротким «офицерским» щупом. Она видела, что Ногаев остановился, склонившись над чем-то, и стал осторожно пальцами перебирать траву.

— Ещё «эска», вот она!— крикнул Ногаев.— Эта целенькая, на боевом взводе. — Забыв поставить флажок, он пошёл на дорогу.

— Соберите бойцов! Сейчас мы «прыгунью» вытащим и распатроним. Пусть все видят, как надо расправляться с ней!

Ногаев дождался, когда девушки соберутся, и двинулся обратно к мине, чтобы поставить её на предохранитель.

Он хорошо помнил, где стояла мина, да и место было приметное — на склоне холма. Но, подойдя туда, он мины не увидел. Трава распрямилась и прикрыла её. Ногаев начал щупом колоть землю. И тут раздался щелчок.

Девушки тоже услышали этот звук — они подошли совсем близко. Никто не успел вымолвить ни слова. Одни бросились на землю, другие продолжали оцепенело стоять.

Ногаев стремительно упал на траву. И тут же раздался взрыв. Он прозвучал приглушённо. Ногаев словно бы подскочил и снова упал плашмя. Из-под его распростёртого тела выполз чуть приметный сизоватый дымок.

Стакан мины с тремястами шрапнельных пуль не взлетел на воздух, он взорвался под телом младшего лейтенанта...

На другой день Ногаева хоронили. На полевом кладбище выстроился взвод, потерявший командира. У только что вырытой могилы собрались офицеры из штаба и всех рот. Невдалеке через ровные промежутки времени падали и рвались снаряды. Фашисты, как обычно, обстреливали дорогу.

Товарищи произнесли у гроба короткие речи. Война шла рядом, она звала их.

Бойцы вскинули карабины и дали прощальный салют.

— Никак не могу понять,— сказала одна из девушек Ане Родионовой, — он же был такой ловкий, такой быстрый. И спасся от этой «эски» уже один раз. А тут угораздило его упасть прямо на проклятую мину...

Аня подняла на неё заплаканные глаза.

— Ты что, не видела? Он же нарочно... Он нас закрыл. Иначе бы всех перебило...

8

МИНЁРЫ ИДУТ ВПЕРЁД

В январе 1944 года девушки-минёры стояли под Пулковом. Здесь и началось наступление наших войск. Готовились к нему долго, а всё равно бой вспыхнул словно бы неожиданно. Земля вдруг разом начала извергать огонь и гром, содрогаясь и дымя. Две с половиной тысячи орудий сто минут били по врагу. Они выпустили за это время четверть миллиона снарядов. И этот ураган огня был лишь подготовкой к наступлению. Вслед за ним обрушили на фашистов свой удар пехота и танки. Наступавшие врубались, вклинивались в расположение врага. Он сопротивлялся со злостью и упорством. Каждая пядь земли давалась дорогой ценой. Но порыв наступающих не ослабевал, и ширилось пространство, откуда советские солдаты изгнали оккупантов.

Саперы двигались вслед за танками и пехотой. Надо было открывать дороги, чтобы доставлять тем, кто шёл вперёд, всё необходимое для боя, для жизни. Нельзя наступать, не получая снарядов, патронов, бензина, хлеба, лекарств. А как всё это доставить, если дороги непроезжие? Открывать дороги — это значило прежде всего снимать с них мины.

Отделение Риты Меньшагиной работало на шоссе, идущем вблизи берега Финского залива к Стрельне и Петродворцу. Всеми владело необычайно радостное чувство. Они ведь очищали места, где долго хозяйничал враг. Это чувство делало желанным тяжёлый, опасный труд.

Рита шла по шоссе с Жуком. Как всегда, он отлично чувствовал настроение хозяйки, работал старательно и охотно. Он то и дело тыкался в снег своей угольно-чёрной мордой, затем поворачивался к хозяйке, поглядывал на неё умными и преданными глазами.

Только морда, глаза да кончики ушей у Жука были чёрными. Крупный, лохматый пёс был похож на кавказскую овчарку. Спину, лапы, живот и хвост покрывала густая, белая с жёлтоватым отливом шерсть. Она завивалась большими кольцами. Белая шерсть делала собаку почти неразличимой на заснеженной дороге. А сам Жук хорошо видел и чуял всё, что было перед ним.

— Хитрый пёс, видишь, какой маскировкой обзавёлся, не хуже, чем у нас, — говорили проходившие мимо солдаты и показывали на белую шерсть Жука. Сами они были в маскировочных халатах.

— Умный, — отвечала им Рита. — Отличный минёр. А масть, конечно, подходящая для зимы. Но он себя и летом покажет.

Шоссе было заминировано беспорядочно. Это затрудняло поиск. Но отделение Риты уже прошло в тот день большой путь. Снятые мины лежали вдоль шоссе штабелями. Мины были тяжёлые, противотанковые. Потом Жук обнаружил и участок мелких противопехотных мин. Они стояли очень густо.

Рита отвела собаку в сторонку, привязала к столбу. Снимать найденные мины следовало одной, собака могла в этом только помешать.

Рита колола землю щупом — тонким металлическим стержнем на двухметровой палке. Обнаруживала одну за другой коробочки со взрывчаткой и осторожно извлекала их, расчистив предварительно снег вокруг.

Работа у неё ладилась. Рита думала, что скоро уже раз-

делается с этим неприятным участком. И тут совсем рядом раздался взрыв.

Через мгновение Рита почувствовала, как что-то мягко, но сильно толкнуло её в ноги. Это был Жук. Услышав взрыв, он рванулся к ней с такой силой, что оборвал поводок...

„ПОРЧЕНАЯ" СОБАКА

Многие в батальоне удивлялись, почему Рита Меньшагина взяла себе Жука. Рита была уже сержантом, командиром отделения. Она занималась дрессировкой и могла выбирать собак. А Жука в питомнике считали порченым.

Постоянного хозяина, вожатого Жук давно не имел, хотя был «старым фронтовиком». Осенью сорок первого года он нёс службу на передовой. Там его и ранило.

— Придётся пристрелить, — сказал тогда командир взвода, глядя на собаку. Жук истекал кровью.

Красноармеец-вожатый стал перед Жуком, словно заслоняя его:

— Не нужно стрелять, ему же цены нет! Разрешите, отнесу к ветеринарному врачу.

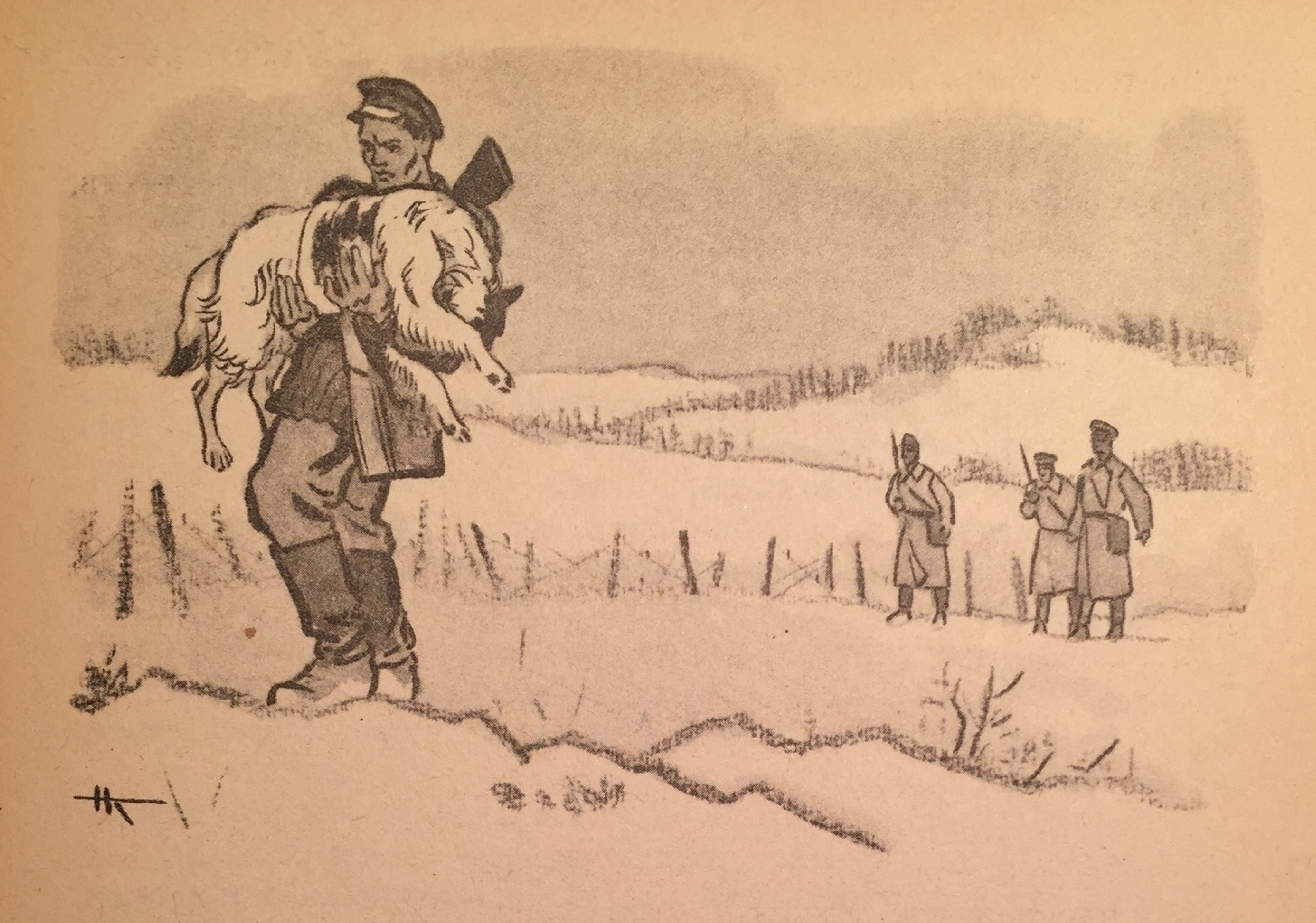
— Не донесёшь, далеко, — сказал командир взвода.

— Донесу, вы только разрешите...

Вожатый долго тащил Жука. Останавливался, вытирал пот со лба и поправлял на собаке повязку, которая быстро пропитывалась кровью. Это заставляло спешить. Боец поднимал Жука и нёс дальше. Глаза у собаки временами становились совсем тусклыми и пустыми. Жук терял сознание, и тогда вожатый с щемящим чувством думал, что, наверное, командир взвода был прав. Ему действительно не донести Жука. Во всяком случае живым.

Когда боец принёс Жука на ветеринарный пункт, врач только головой покачал.

— Сколько ты прошёл с ним? — спросил он. — Пёс же с доброго телёнка.

— Километра четыре, а может быть, и пять. Не мог я его бросить...

— Ну, попробуем заштопать, раз такое дело.

Врач вылечил пса, но когда Жука отпустили из ветеринарной части, его вожатого уже не оказалось в батальоне. Боец был ранен, его отправили в тыл.

Так вот Жук и остался без хозяина. Другие не хотели его брать, считали, что он уже не сможет работать на передовой, будет бояться взрывов.

— После ранения каким-то ненормальным стал, — сказал Рите старый солдат, который присматривал за Жуком. — Никого к себе не подпускает. Просто сатана, а не пёс. Мы ему на палке еду подаём, а уж чистить и вовсе не можем.

— Значит, вы боитесь, — рассердилась Рита, — а собака тех, кто боится, терпеть не может. Сами портите животное.

Она смело вошла в вольер, потрепала Жука по шее. Он вздрогнул и заворчал, но не кинулся на девушку, как того

ожидал солдат. Даже не отскочил в сторону. Пёс почувствовал ласку.

— Как же тебя запустили, — сказала Рита Жуку и снова недовольно взглянула на солдата. Её пальцы запутались в густой, давно не чёсанной шерсти. Тёплая кожа под этой шерстью дёргалась в мелкой дрожи. Пёс ещё не признал Риту, он только терпел, выжидал, что будет дальше.

Рите понравился пёс. Она поняла, что дрессировать его будет нелегко. Но это Риту не смущало.

Нет, Жук не сразу ей покорился, не сразу даже стал послушно выполнять команды. А ведь Рита не просто дрессировала его — она учила собаку миннорозыскной службе!

Жук обладал необыкновенным обонянием. Он чувствовал взрывчатку издалека и быстро, уверенно шёл к ней. Он умел даже распознать каким-то образом схему расстановки мин. Найдёт, разнюхает одну мину и сидит возле неё, пока не подойдёт хозяйка. Сдаст ей находку и спешит дальше, по ряду.

Рита награждала его за каждую находку. Не закармливала, давала прядку мяса, какую давали своим собакам все девушки. Но Жук чувствовал, что это не кормёжка, а награда, она давалась с лаской, которую пёс всё больше ценил.

Теперь уже Рита могла делать с ним что угодно. Признав её хозяйкой, он был готов всё от неё терпеть. Но только от неё! Характер-то Жука не изменился. Однажды Рита уехала в командировку на несколько дней. Опять никто к Жуку не мог подойти. Опять ему подавали пищу на палке.

Когда Рита вернулась, Жук не проявлял бурной радости, не бросился к ней, не стал лизаться. Он только глядел на хозяйку преданным взглядом и сразу сделался кротким и послушным.

Рите говорили, что Жук хорошо ведёт себя, пока они в тихой Сосновке, а под огнём, на передовой она убедится, что он порченый. . .

И вот они на передовой. Услышав взрыв, Жук оборвал поводок и кинулся на помощь хозяйке. Рита наклонилась к собаке, ласково потрепала густую белую шерсть.

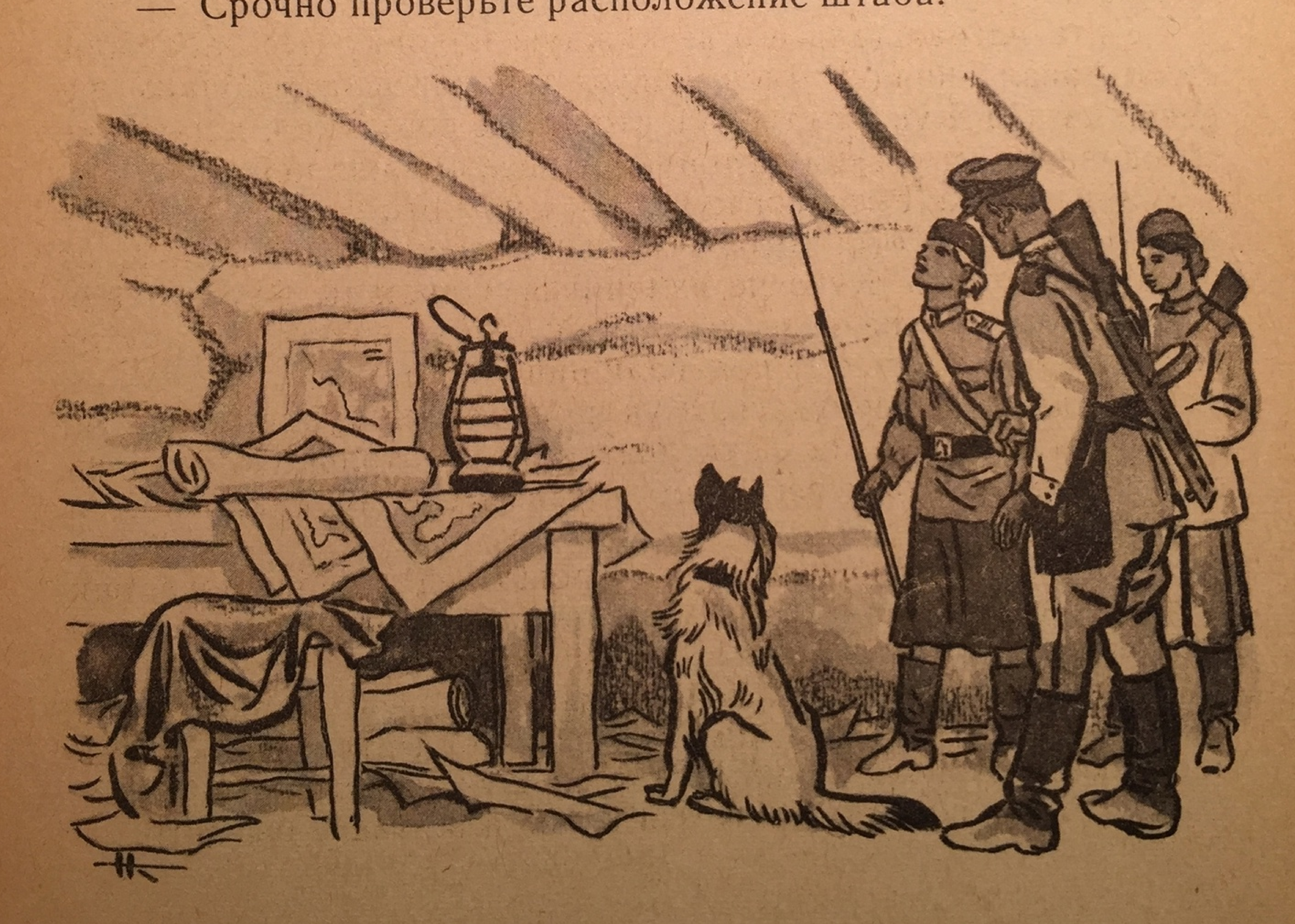
— Всё в порядке, Жук! На войне и не такое бывает!

В ЗЕМЛЯНКЕ КОМАНДАРМА

Наступление наших войск развивалось. Вслед за передовыми частями двигались вперёд штабы. Сперва пошли штабы полков, дивизий, корпусов. Затем настало время для штаба армии. Армейскому штабу выбрали место на склонах Дудергофских высот. Тут было много больших, крепких землянок, целый подземный городок. Противник не успел его разрушить, он бежал, опасаясь окружения.

Армейские сапёры осмотрели землянки, очистили от всего, что могло взорваться — снарядов, мин, гранат. Штаб приехал и начал расселяться на новом месте. Всё было как будто в порядке. Всё же генерал, начальник инженерных войск, тревожился. Он знал, как хитро немцы минируют то, что им приходится оставлять. Наверно, поэтому генерал и вспомнил о сапёрах с собаками. Отправил в батальон мотоциклиста:

— Срочно проверьте расположение штаба.

Взвод минёров с собаками выехал к Дудергофу. А там, в подземном городке, уже шла работа. На столах лежали карты. Над картами сидели офицеры. Наступление продолжалось, дел было очень много.

Минёров встретили не совсем приветливо. Не хотелось прерывать работу ради того, чтобы собаки обнюхивали углы в землянках.

— Ничего тут нет. Зря только мешаете, — говорили минёрам.

Офицеры неохотно выходили из землянок. Некоторые подшучивали над минёрами:

— На себя, значит, не надеетесь? Пусть собаки разберутся?

Минёры обследовали землянки быстро. Собаки ничего не находили. Задержка произошла только в большом блиндаже командующего армией. Жук уселся там, подняв голову и вытянув шею. Он упорно глядел на потолок, нервно двигал ноздрями, шумно втягивал в себя воздух.

— Чего он там унюхал?

Потолок был низким, крепко сбитым из толстых досок. На них можно было разглядеть каждый сучок.

— А что над потолком? — поинтересовалась Рита.

Выше под накатом из брёвен был небольшой, совсем тёмный чердачок. Адъютант командующего ничего не успел туда положить.

Минёры осторожно обследовали тёмное помещение.

— Ну и дело!

В глубине чердака стоял мощный трёхкилограммовый заряд тола. К его взрывателю шли с разных сторон туго натянутые проволочки-струны. Стоило только сунуть какой-нибудь свёрток или чемодан, и мощный взрыв разнёс бы всю землянку.

— Очень смешно, правда? — сказал Петров молодому лейтенанту, который отпустил уже немало шуток по адресу четвероногих искателей мин. — Благодарите Жука за то, что он раньше вас обратил внимание на этот чердак.

После этого уже никто Жука порченым не называл.

9

НА ПЕРЕЕЗДЕ

Подскакивая на скользких буграх обледенелого, нечищеного шоссе, подкатила к железной дороге и встала у переезда машина. Это был военный вездеход, юркий «козлик» с зелёным брезентовым верхом. Грузовик с девушками-минёрами шёл за ним следом. Он остановился немного поодаль.

Егор Степанович рывком отворил дверцу «козлика» и выскочил на дорогу. Он приехал вместе с командиром роты и командиром батальона. Вместе они и пошли туда, где шоссе пересекали железнодорожные пути.

На переезде был укреплён красный флажок. Петров и комбат с минуту молча постояли возле него. Потом Петров сказал:

— Задачка хитрая, товарищ подполковник.

— Хитрая, — согласился комбат, — задачка хитрая, а решать её надо. Интересно, насколько тут промёрз грунт?

Петров постучал о землю рукояткой щупа, словно ждал ответа. Земля была твёрдая, как кость.

— Думаю, сантиметров на сорок — пятьдесят промёрзла.

— Да, — согласился комбат, — не меньше. Уже середина

зимы, а место тут открытое. Снежный покров тонкий и сильно примят. Пожалуй, грунт мог промёрзнуть и глубже.

Красный флажок, означающий, что это место заминировано, был поставлен сапёрами Петрова всего несколько часов назад. Егор Степанович понимал, что обезвредить этот участок будет нелегко, потому и доложил комбату.

Мимо переезда прошло уже много людей. Они ничего не заметили. Взрывчатка была хорошо замаскирована, да и зарыта, видимо, глубоко в землю. Всё же минёры обратили внимание на переезд, почувствовали, что здесь не всё ладно. Во-первых, очень уж выгодное для минирования место. Взрыв сразу испортит и шоссе и железнодорожный путь. Во-вторых, намётанный глаз сапёров приметил кое-какие подозрительные мелочи. Возле переезда валялась припорошённая снегом дощечка. На ней были видны нерусские буквы. Похоже, дощечка оторвана от какого-то ящика. Не со взрывчаткой ли?

Потом обратили внимание на небольшие бугорки, выступавшие на снежном покрове дороги. Сняли снег. Бугорки были земляные. Такие остаются обычно, когда роют яму. Самой ямы, правда, не было видно. Но когда снег с переезда смели, на полотне дороги выступили края четырёхугольного колодца. Он был засыпан, но грунт в нём осел, получилось небольшое углубление — аккуратный ровный квадрат.

Зачем было фашистам рыть колодец на переезде? Вернее всего, для того, чтобы заложить взрывчатку. Много взрывчатки, колодец-то большой.

Петров встревожился. Накануне фугас, похожий на этот, взорвался невдалеке от переезда, в посёлке. Его пытались извлечь сапёры соседней части. Сперва они пустили в ход лопаты. Лопаты в промёрзшую землю не шли. Тогда стали долбить киркой. Ударили несколько раз, и произошёл взрыв. . .

— Значит, считаем, что грунт промёрз на полметра. Что вы намерены предпринять? — спросил после некоторого раздумья комбат.

Петров поднял на него глаза.

«Как же, правда, подобраться к фугасу? Тут возможны всякие ловушки. Узнать, какая у него взрывная система, пока

нельзя. Минёры осмотрели всё вокруг, но не нашли ни электрических проводов, ни взрывного шнура».

— Может быть, это мина замедленного действия? — произнёс Петров. — Вряд ли. Слишком давно она поставлена, судя по тому, как замёрзла земля.

«Так что же? Пока не доберёшься до взрывчатки, секрета не раскрыть. Но как снять твёрдый, промороженный грунт? Не ждать же весны, когда оттает. И долбить землю нельзя. Костёр над фугасом тоже не разведёшь и электрическим током не прогреешь...»

КОТЁЛ ГОРЯЧЕЙ ВОДЫ

Комбат хмуро глядел в землю. Нет, кажется, способ всё же есть!

— Вот что, пришлю-ка я вам походную кухню.

— Кухню? — с недоумением переспросил Петров, и вдруг на лице его появилась догадливая, понимающая улыбка. — Кухню, значит? Это здорово! Понятно, подготовим всё, как надо.

Комбат пошёл к своей машине. Петрова сразу окружили девушки.

— Зачем нам кухня, товарищ младший лейтенант? — Девушки говорили, подчёркивая офицерское звание, которое было совсем недавно присвоено Петрову. — Кашеварить станем или чаи гонять?

— Увидите. А сейчас нечего время терять, — сказал Петров. — Со мной здесь останется Коршунов. Девушки, заготовляйте дрова. Пилите и рубите шпалы. Вон они лежат возле путей. Родионова и Бутыркина! Будете воду носить. Видите домик возле станции, у которого дым из трубы идёт? Там есть, значит, люди. Узнайте, где колодец, как подъехать к нему. Попросите ненадолго вёдра, наверное, найдутся. Как приедет кухня, быстро налейте полный котёл.

Он обернулся к Вере Александровой.

— Ведите своё отделение на разминирование. От железной дороги дальше по шоссе. Противотанковые мины стаскивать в канаву. О ловушках и противопехотных минах сразу докладывать мне. Одну девушку оставьте здесь связной. Понятно? Ну, выполняйте!

Он хотел, чтобы девушки скорее ушли. Незачем держать их возле фугаса.

Петров медленно обошёл вокруг засыпанной ямы. Несколько раз пробовал колоть землю щупом — в яме и вокруг неё. Но земля везде одинаково промёрзла. Видимо, он не ошибся, фугас стоял тут давно. Только почему немцы не взорвали его, уходя? Не успели, а может быть, оставили нарочно, как ловушку?

Кухню доставил пожилой ворчливый солдат на тяжёлом рыжем коне со спиной широкой, как кровать. Конь был трофейный. Девушки сами поймали его на левом берегу Невы во время боёв. Дали ему кличку Фриц. Это был тихий и добродушный конь.

— Даже фашисты не сумели его обозлить, — шутила

Лиза Самойлович. — А может, он нарочно убежал от них, не захотел служить гитлеровцам? Верно, девочки?

Кухня подъехала к железной дороге. Петров услышал неторопливую рысцу Фрица, и почти сразу до него долетел голос повозочного:

— Хвантазии тут у них! Придумали тож. Без кухни, вишь, не могут мины сымать. Прикажете ещё ресторан сюда привезти? Известно, глупость. Какие из девчонок минёры?

Солдат нарочно коверкал слова, выражая таким образом своё недовольство.

— Разговорчики! — сказал Петров. — Получили приказание и выполняйте.

— Что нужно, говорите скорее, — объявил повозочный. — Повар и начпрод велели быстро возвращаться.

— Налей полную кухню да живо сюда.

Кухня с водой вернулась довольно скоро. Петров поставил её за железнодорожной насыпью, в укрытии. Просмолённые полешки, принесённые девушками, горели хорошо, и скоро кухня загудела.

— Передайте сержанту Александровой, чтобы она выставила оцепление, — приказал Петров связной. — Никого не пропускать сюда.

Он повернулся к девушкам, оставшимся на переезде:

— Сколько вас, четверо? Ну и хватит. Здесь никому не стоять. Идите за насыпь, к кухне. Как вода закипит, начинайте таскать её сюда вёдрами. По очереди. Попробуем отогреть землю кипятком. Должна она оттаять. Нам с Коршуновым оставьте ножи и лопатки.

День стоял морозный. От земли, на которую вылили первые вёдра кипятка, шёл густой пар, но отходила она медленно. Коршунов несколько раз пробовал грунт ножом. Нож скользил по обледенелой поверхности, не шёл вглубь.

Петров и Коршунов работали по очереди, сменяясь через десять минут. Осторожно срезали грунт тонкими пластами и отбрасывали в сторону. В самом деле, не легко это — вынуть землю из большой ямы ножом. Лопатой было бы, конечно, быстрее, но действовать следовало осторожно. Кто знал, что скрывается в земле!

ВОТ И ВСЁ!

Петров нашёл электрический провод и перерезал его кусачками. Потом нашёл огнепроводный шнур. И он и Коршунов устали, но они не могли себе позволить долгого отдыха. Надо было использовать короткий зимний день.

Девушки, поднеся воду, тихонько останавливались за спиной минёров, смотрели, как они ковыряют землю. Даже Зина Филимонова присмирела. Она никого не задирала, стояла молча. Лиза Самойлович не выдержала, спросила:

— Что вы всё сами делаете! Разрешите и нам. Снимать землю тоже ведь умеем.

Помощь, конечно, не помешала бы. Но Егор Степанович понимал, что опасность ещё велика. И она увеличивалась по

мере того, как сапёры приближались к взрывчатке. Не мог Петров переложить риск на девичьи плечи.

— Носите воду и не задерживайтесь тут, — сказал Петров Лизе. — Как в кухне, ещё много осталось?

Наконец-то прошли замёрзший слой грунта. Под ним был уже рыхлый песок. Вода стала не нужна. В песке на глубине одного метра Коршунов нашёл второй взрывной шнур, заключённый в гуттаперчевую трубку.

Фашисты основательно застраховались — одно взрывное приспособление не сработает, так другое или третье.

Когда нож натолкнулся на что-то твёрдое, Петров стал сгребать землю руками. Так и есть, в земле был ящик со взрывчаткой. И не один! Но сколько именно, пока нельзя было сказать. Петров решил устроить небольшой отдых. Предстояло самое трудное.

Он вылез из ямы, потянулся, разминая усталое тело, огляделся вокруг. Отделение Александровой, которое он послал разминировать шоссе, было ещё совсем близко. Девушки смотрели в их сторону и, видимо, думали о фугасе больше, чем о минах, которые им надо было снимать. Петров пошёл к ним:

— Сержант Александрова! Почему задерживаете работу? Нечего время терять!

Вера вспыхнула:

— Слушаюсь, товарищ младший лейтенант!

Всё-таки она не утерпела:

— Элементы неизвлекаемости есть там?

Элементы неизвлекаемости — это на языке минёров приспособления, не позволяющие разрядить фугас. Станешь вынимать взрывчатое вещество, а от него пропущена невидимая проволочка к взрывателю. Проволочка натянется, приведёт взрыватель в действие, и всё взлетит на воздух. А может быть, и не проволочка тут, а какой-то механизм. Но предназначен он для того же — чтобы нельзя было разобрать, обезвредить фугас.

Петров, стараясь быть строгим, ответил:

— Пока этих элементов нет. Закончим — всё покажу, а вы делайте своё дело!

Повозочный, ссутулившись, сидел возле кухни. Он больше не ворчал, с интересом прислушивался к разговору. Егор Степанович повернулся к нему:

— Ты со своим Фрицем задачу выполнил. Можешь ехать. Повар с начпродом ждут ведь!

Солдат неохотно взялся за вожжи и послал Фрица вперёд.

Петров опять пошёл к яме. Постепенно картина прояснялась. Фугас оказался действительно очень крупным. Ящики с толом стояли рядами, один за другим. Их нельзя было стянуть с места. От ящика как раз и могли идти проволочки, тот самый элемент неизвлекаемости, про который спрашивала Вера Александрова. Осторожно сняли с верхних ящиков крышки. Под крышками лежали куски тола, желтоватые, похожие на куски мыла.

— Отлично сохранились, — сказал Коршунов, — пригодятся в хозяйстве.

Но и тол тоже нельзя было сразу вынимать. Осмотри каждую шашку со всех сторон, тихонько подсунь под неё нож, проверь — нет ли проволочки там! Каждую! Так им пришлось вынуть пятьсот шашек.

Наконец дошли до нижнего слоя. В нём и стояли взрыватели. Их вынули.

Теперь можно было свободно вздохнуть.

— Вот и всё, — сказал Егор Степанович, — успели вовремя, уже темнеет.

— Так точно. А куда же всё-таки вели электрические провода? Где их выход? — спросил Коршунов.

— Интересно бы узнать, да некогда тут копаться. Это ведь адская работа — прослеживать провода в замёрзшей земле.

Петров улыбнулся.

— Ладно, в другой раз. Пускай они хоть в самый Берлин тянутся, к Гитлеру лично. Зря он будет там крутить взрывную машинку. Фугас-то мы с тобой разобрали! Дело сделано.

10

МИШКА С БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ

Шёл сорок третий год.

Батальон усиленно готовил собак для миннорозыскной службы. Требовалось пополнение. Но в Ленинграде собак не было. Решили привезти пополнение с Большой земли. На это задание послали опытных дрессировщиков.

Собаководы ходили по маленьким деревушкам, посёлкам, городкам, искали будущих четвероногих минёров.

В одном из городков, под Вологдой, они нашли Мишку. Он сидел в низком подвале утильзавода, прикованный к стене короткой цепью. Рядом сидели на цепях другие собаки. Всех их поймали как бездомных уличных дворняг.

Мишка, крупный пес, с густой бурой шерстью, понуро лежал на земле. Вошедших он встретил грустным взглядом.

— Эх ты, бедняга, как занесло тебя в такое место? — заговорил с ним один из бойцов. Он подошёл к псу, поднял пальцем его верхнюю губу, осмотрел зубы. — Да ты же совсем молодой! Зубы ещё не начали стираться!

Мишка тоскливо взглянул на него.

— Этого пса мы берём для армии, — сказал боец собачнику. Отвязал собаку и взял на поводок.

Мишка поехал в Ленинград. В питомнике его отдали рядовой Валентине Глазуновой. Валя тогда была ещё неопытным дрессировщиком, но то, что Мишка совсем беспородный, поняла и расстроилась. Даже ходила жаловаться начальству:

— У других овчарки, лайки, гончие, а у меня самая что ни на есть дворняга. За что мне хуже всех?

Маленькая, круглая Глазунова стояла перед Петровым и шмыгала носом, даже не вытирая слёз.

Егор Степанович немного растерялся.

— Ты же его не на выставку поведёшь, а на минное поле. Миннорозыскной собакой он будет хорошей.

Выручила Рита Меньшагина. Она оказалась при этом разговоре и сказала, что уже занималась с Мишкой.

— Сообразительный и симпатичный пёс. Ты не нарадуешься на него, Валентина!

Глазунова перестала плакать. Меньшагиной верили. Как-никак, Рита учила собак с детства.

ЭКЗАМЕН

Инструктора говорили, что Мишка очень сообразителен, даже слишком! На учебном поле он быстро заметил, что места, где стоят мины, пахнут свежей землёй — мины там выставляли перед самыми занятиями. Мишке, деревенской собаке, запах земли был давно знаком и мил. Он и шёл на этот запах — быстро и уверенно, совершенно не принюхиваясь к взрывчатке. Пришлось для него вырабатывать особые способы обучения. Валя начала закапывать мины в землю вперемешку со всякими железками. Тут уж пёс не мог хитрить. Земля везде пахла одинаково, но если он подходил к лунке, где была мина, Глазунова радостно хвалила его.

— Хорошо, правильно, Мишка, дурачок ты мой.

Она протягивала ему кусочек сушёной конины. Мишка,

почувствовав, что хозяйка довольна, приходил в щенячий восторг.

Если же пёс останавливался у ямки, где было закопано что-то другое, Глазунова расстраивалась. Её голос звучал сердито, недовольно, и Мишка сразу понимал, что провинился. Он опускал хвост, посматривал на девушку грустно, словно моля о прощении. Он всегда чувствовал настроение хозяйки и очень не любил, когда она сердилась. А кроме того, он знал, что если хозяйка недовольна, угощения не жди. Мишка был лакомкой и старался изо всех сил заслужить вкусный кусочек.

Как-то к девушкам приехал комбат. Он решил сам проверить собак.

Никого не предупредив, комбат приказал вскрыть новый ящик с толом. Пошёл к ручью, вымыл руки, потом взял из ящика двумя пальцами одну шашку и забросил в траву у дороги.

Истоптанная трава пахла сильно. К её запаху примешивались и другие — от раздавленных солдатскими сапогами гусениц, букашек и от самих сапог. Почуять взрывчатку тут было трудно.

Посыльная, запыхавшись, прибежала за Валентиной Глазуновой. Та в это время чистила вольер. Мишка кружился на зелёной площадке, то подскакивая к девушке, то отбегая прочь. Ему хотелось играть. Глазунова ласково оглаживала его и отгоняла: «Не мешай!»

Мишку не держали на привязи. Всё равно он с непостижимой ловкостью вылезал из ошейника или перерезал острыми, как бритва, зубами прочный сыромятный поводок.

Удержать его могли только строгий стальной ошейник с колючими шипами да железная цепь. Сажать собаку на цепь Глазуновой было жалко. Она убедилась, что Мишка далеко не уходит — бегает и скачет возле вольера, драк не затевает. Она попросила разрешения держать собаку свободно. И не было случая, чтобы Мишка не прибежал на её зов, опоздал к выходу на занятия или к очередной кормёжке.

— Глазунова, к подполковнику! С собакой! — вызвала посыльная.

— Зачем? — испуганно спросила Валя.

Посыльная и сама не знала. Но раз вызывает начальство, надо торопиться. Девушка быстро вытерла руки, одёрнула гимнастёрку и взяла собаку на поводок: — Побежали!

— Товарищ подполковник, рядовая Глазунова по вашему приказанию...

— Ищите взрывчатку возле дороги.

Глазунова недоуменно взглянула на комбата: чего тут искать, всё исхожено, истоптано.

— Ищите, пустите собаку! — повторил подполковник.

Глазунова послала Мишку. Офицеры, окружавшие командира батальона, пристально смотрели на пса, а тот оглянулся на Глазунову, словно хотел сказать ей: «Не бойся, не подведу». И пошёл, прочёркивая зигзагом травянистую полосу у дороги — вправо, влево и вперёд.

Разнообразные густые запахи ударили Мишке в ноздри, но он был к ним безразличен, он уже знал: на запахи земли и травы внимания обращать не надо. Он шёл спокойно и ров-

но, пока не почуял тол. Тогда его движения стали медленнее и осторожнее. Наконец Мишка подошёл к толовой шашке вплотную, обнюхал её и сел.

Глазунова подбежала к нему. Она осторожно раздвинула руками траву и увидела жёлтую шашку.

— Тол, — растерянно проговорила Глазунова. — Откуда тут может быть тол?

В группе, окружавшей подполковника, оживлённо заговорили, засмеялись. Глазунова поняла, что всё хорошо. Ласково погладила собаку и полезла в карман, ища лакомство.

Она уже не стыдилась больше своей дворняги. Когда Мишка пропал, это было для Вали Глазуновой настоящим горем...

ОПЯТЬ БЕЗДОМНЫЙ

Всё произошло неожиданно. В тот день Валя впервые работала с Мишкой на минном поле — настоящем, а не учебном. Широкое поле было усеяно противопехотными минами. Мишка нервничал из-за близкой стрельбы. Он чувствовал, что и хозяйка волнуется — она ведь в первый раз снимала боевые мины. Но работу свою Мишка исполнял. Флажки, воткнутые возле найденных им мин, тянулись уже длинными рядами.

Под вечер собак увели в укрытие — за насыпь противотанкового рва, крепко привязали к вбитым в землю кольям.

— Лежать, Мишка, лежать! — приказала Валя собаке.

Казалось, Мишка понял её. Он улёгся на землю и даже задремал, тихонько сопя и тоненько поскуливая. Он не хотел нарушать приказ хозяйки, но вот рядом раздался взрыв. Земля задрожала. Одна за другой последовали багровые вспышки, что-то противно засвистело, разрезая воздух.

Мишка дёрнулся изо всех сил, вылез из кожаного ошейника и стал удирать. По полям, не разбирая дороги — лишь бы подальше от этих мест, где стоял такой грохот. Старая привычка дала себя знать. Ведь бездомную дворнягу все могли обидеть, и единственным спасением было бегство.

Валя закончила подрывать мины и пошла за собакой. Она остановилась в растерянности над пустым ошейником возле кола.

— Как же так? Я ведь приказала ему лежать тут, на месте!

— Вернётся твой Мишка, он же никогда далеко не уходит, — утешали её девушки.

Но Мишка не возвращался. Пришлось уехать без него. Не приходил Мишка и в следующие дни. Валя ездила в поле, но не работала. Без Мишки ей не разрешали.

— Не найдётся твоя дворняга, подберём другую собаку, — утешал её Егор Степанович.

— Всё равно это будет уже не Мишка, — говорила Глазунова. Голос её звучал так огорчённо, что Егор Степанович удержался и не напомнил, как она не хотела брать эту собаку.

А Мишка опять стал бродячей собакой. Добрался до города, бегал по улицам, прятался в каких-то холодных подвалах. Люди, увидев бегущего пса, изумлённо останавлива-

лись, переговаривались между собой, словно перед ними было какое-то чудо.

...Мишка метался по улицам, принюхивался к порывам ветра, доносившим еле уловимый запах не закованной в камень земли. За высокой насыпью железной дороги он попал в привычный мир. Тут были землянки, траншеи. Мишка уловил далёкий запах собак и пошёл на него, никуда не сворачивая и не сбиваясь.

Собаки лежали за разбитым домом на привязи и спали. Мишка быстро всех перебудил своим визгом и лаем. Из землянок выбежали солдаты. Кто-то подманил Мишку куском сухаря и взял на поводок.

— Сидеть!

— Лежать!

— Рядом!

Мишка охотно выполнял команды и поглядывал на солдата, ожидая угощения.

— Собака-то служебная, — сказал солдат, — может, из нашего батальона? Ты из какой роты сбежал? — спросил он Мишку. — Сбежал ведь, чего крутишь хвостом? Ладно, узнаем. Поди, тебя ищут.

Утром о приблудной собаке сообщили в штаб, а через час примчалась Глазунова.

— Мишка, пёс мой ненаглядный, — говорила она, — нашёлся всё-таки, а я уж надежду потеряла. Отощал как, совсем мог погибнуть. На, возьми хлебца!

КОНТРОЛЁР

...Больше Мишка не убегал. Постепенно он привык к близким разрывам и стал настоящим фронтовиком. Когда подрывали мины или падал снаряд, он вздрагивал, прижимался к хозяйке, но стоял на месте.

Мишка обладал редкостным нюхом. На его счету были уже тысячи разысканных мин, снарядов, ручных гранат. Он

отлично работал на реке Воронке, в «Долине смерти». Так сапёры прозвали проклятое место, где мины стояли настолько густо, что даже птицы не могли безнаказанно клевать свою добычу. На аэродроме в Тарту Мишка почуял бомбы, зарытые немцами на глубине двух метров.

Потом Мишка стал чем-то вроде контролёра. В 1944 году врага отбросили далеко от Ленинграда. Надо было быстрей очищать освобождённые земли. Везде стояли мины, лежали неразорвавшиеся снаряды, гранаты. На разминирование посылали разные части — сапёров не хватало. Минёрам с собаками поручали проверять, как выполнена работа, не оставлено ли что-нибудь опасное?

Мишка во время проверок был особенно хорош, издалека чувствовал мины и усаживался возле них с важным видом, приглашая Глазунову быстрее подойти к нему.

Как-то девушки-минёры приехали проверять участок, где долгое время проходил передний край. Считалось, что участок разминирован полностью. Это было трудное место. Земля заросла ивняком, а рядом лежал низкий зелёный луг. Армейские сапёры сняли в кустах сотни мин. Про луг они сообщили, что мин на нём нет, на лугу уже разрешили пасти скот. По траве медленно ходили большие чёрно-белые коровы.

Девушки обследовали кустарник. Во время перерыва вышли на луг, улеглись на траве. Неторопливо разговаривали или дремали. Собак спустили с поводков. Вдруг кто-то окликнул Валентину Глазунову:

— Твой Мишка, гляди, уселся как! Думает, что минное поле, вот балда!

Глазунова взглянула. Мишка, и правда, сидел на лугу довольно далеко от них. Сидел мордой к взводу и не двигался с места.

— Мишка, — закричала Глазунова. — Мишка, ко мне!

Это была команда, но Мишка не выполнил её.

— Распустился твой Мишка, — начали посмеиваться над Глазуновой. Она поднялась и повторила команду, но Мишка снова не двигался.

Валя стала сердиться:

— Действительно, распустился!

Егор Степанович остановил её:

— Не торопись. Погляди хорошенько, нет ли там чего?

Глазунова пошла к собаке через весь луг. Мишка сидел на месте и явно ждал награды.

— Что за напасть? — удивилась девушка и стала осторожно прокалывать землю вокруг Мишки щупом. Раз, другой, третий... Щуп легко входил в землю.

— Чего же ты сидишь? — спросила Глазунова. Она сердито посмотрела на собаку и снова воткнула щуп. На этот раз он во что-то упёрся. Через несколько минут девушка поняла, что там немецкая противотанковая мина типа «хольц» в деревянной коробке.

А Мишка, получив награду, сделал всего несколько шагов и снова уселся. И опять Глазунова нашла мину. Тут уж подошёл и Петров, поставил на обследование «незаминированного» луга весь взвод. Постепенно обнаружили целое минное поле. Мины стояли в шахматном порядке в пять рядов. Полоса тянулась на два километра. Почему армейские сапёры её не обнаружили? Наверное, потому, что все мины были в деревянных ящиках. Прибор — миноискатель их не показывал, он чувствовал только металл.

А Мишка почуял. Две тысячи противотанковых мин сняли девушки на этом лугу.

В те дни о Мишке опять много говорили в команде.

— Ай да пёс! Ай да контролёр! — твердили девушки. — Смотри, Глазунова, он тебя без дела оставит. Один мины будет таскать.

— Будет, — смеялась Глазунова. — Мишка такой. Его только подучить ещё немного. Вот выкрою время — займусь.

Мишка прыгал вокруг хозяйки, всё норовил лизнуть в лицо. Он понимал, что разговор идёт о нём, чувствовал, что его хвалят, что хозяйка довольна им, и, как всегда, бурно выражал свою радость.

11

ГОРДОСТЬ КОМАНДЫ

В команде Валю Корнееву называли тихой. Немногословная, незаметная, Валя выполняла задания лучше всех. И когда Корнееву наградили третьей медалью, все понимали — она заслужила.

Никто не мог сравниться с ней на минном поле. «Тихая наша времени зря не теряет, вытаскивает мины, словно репу, — шутили в команде. — Да и собака у неё под стать — мины сквозь землю чует!»

Шарик был довольно невзрачным псом. Чем-то он напоминал гончую. С его вытянутой головы свисали мясистые лохматые уши. Тёмно-карие глаза смотрели живо и умно. Масть Шарика была пёстрой — чёрные, жёлтые, белые пятна на короткой, плотной шерсти.

Шарик никогда не лез на глаза людям, не крутился возле них. Он не рычал на незнакомых. Когда с ним заговаривали, смотрел внимательно и чуть заметно двигал хвостом.

К Вале Шарик привязался быстро и очень сильно. Она не сюсюкала, не осыпала его нежностями. Случалось, на её глазах кое-кто из девушек грубо одёргивал свою собаку, даже

стегал поводком, а потом, через минуту, слышались слова: «Ах ты, моя умница, золотко ты моё». Увидев это, Валя поджимала губы и чуть заметно покачивала головой.

Валя с Шариком была ровна. Во время работы вела с ним тихий неторопливый разговор. С собакой она становилась даже разговорчивой, и Шарик понимал её с полуслова!

Почуяв взрывчатку, Шарик спешил сообщить об этом Вале. Он оборачивался к ней и начинал помахивать из стороны в сторону хвостом. Чем сильнее становился запах, тем шире и резче махал хвостом Шарик.

Валя быстро замечала сигналы:

— Нашёл, что ли? Тогда садись.

Шарик садился возле найденной мины, терпеливо ожидал награды.

Как-то они работали на болоте. Стояла уже глубокая осень, между кочек выступала чёрная вода. Нужно было поистине необыкновенное чутьё, чтобы в этой сырости, пропитанной острыми болотными запахами, учуять взрывчатку. Шарик всё же учуял. Он остановился и словно бы в нерешительности крутил хвостом, вопросительно глядя на хозяйку.

Валя сразу поняла, в чём дело.

— Холодной воды боишься, неженка? — укоризненно сказала она. — Хвостик замочить страшно, а на воздух взлететь хочешь? Нет? Ну, садись как положено.

Шарик сел возле кочки, прямо в холодную воду. Сидел не двигаясь, только часто вздрагивал и косился на хозяйку.

Валя подошла к Шарику, работая щупом. Она обнаружила мину глубоко под дёрном. Ещё раз подивилась обонянию собаки и поставила на кочке красный флажок. Затем старательно обтёрла мокрого Шарика полой шинели и сунула ему кусочек сушёной конины.

— Глотай, заслужил. Ты у меня сегодня молодец!

Более горячих похвал от неё Шарик не удостаивался, но ему и этого было довольно.

Часто Валю спрашивали, как она снимает столько мин? Отвечала она скупо.

— Да что там особенного. Ну, вот, значит, Шарик...

Раз уж надо было говорить, Валя предпочитала рассказывать о собаке. Выходило, что это заслуга только Шарика, если они находили какой-то особенно хитро упрятанный фугас. Шарик его почуял. И к другим минам тоже её привёл Шарик.

— Правда же, повезло ей с собакой, — твердили некоторые девушки.

— Замечательный у Вали пёс, — соглашались другие.

Только Егор Степанович качал головой:

— Шарик — золотая псина, что правда, то правда. Но собаку надо приучить к работе, надо заставить её внимательно искать. У Корнеевой Шарик старается, а как бы он себя вёл у другой, ещё неизвестно.

Егор Степанович говорил это и поглядывал на девушек. Почему у их собак бывают срывы? Конечно, каждая находила объяснение: «Моя Веста очень любопытная, ей всё интересно, на всё хочется посмотреть, вот и забывает про мины». Но Егор Степанович знал, что Веста, большая светло-серая овчарка, может тоже хорошо работать, она сообразительна и послушна по натуре.

— Какая хозяйка, такая и собака у неё, — строго говорил он.

Петров считал, что собака перенимает у хозяйки даже характер: хозяйка спокойная — и собака у неё будет спокойной, хозяйка внимательная — и собака станет внимательно делать то, что ей велят...

У Вали с Шариком, во всяком случае, получалось так.

МИНА В ПЕЧКЕ

Случилось это зимой, во время большого наступления. Сапёры со своими собаками пришли в деревню, только что отбитую у врага. Стоял очень холодный день. Каждому хотелось погреться. Только где? Лишь в самом конце деревни

виднелся один уцелевший дом. Возле него и толпились солдаты. Войти внутрь им не разрешали. Может быть, дом заминирован?

Проверить дом Петров послал Валю Корнееву и Зину Филимонову.

Шарик весело бежал возле хозяйки. Он был деревенской собакой и чуял кругом знакомые запахи. В доме Шарик жадно обнюхал каждый угол, каждый предмет. Обнюхал скамейку и закружился по избе.

— Ищи, Шарик!

Пёс опустил нос к полу и, глубоко втягивая в себя воздух, пошёл к печке.

Обнюхал её и остановился. Валя услышала, как он старательно сопит. Хвост Шарика быстро двигался из стороны в сторону.

— Ну, что там? — спросила Валя.

Пёс весело поглядел на хозяйку и сел возле печки.

Валя и Зина внимательно осмотрели круглую печь. Ни в топке, ни в дымоходе, ни наверху ничего подозрительного не нашли.

— И на старуху бывает проруха, — сказала Зина. — Твой Шарик тоже может соврать.

Валя покачала головой. Она вышла из дома и пустила собаку снова. Кто-то из ожидавших заворчал. Что она морозит людей из-за каких-то собачьих капризов?

А Шарик вбежал в дом и сразу же стал тыкать мордой в печку.

Он точно говорил хозяйке: «Это же здесь, то, что мы ищем. Разве ты не понимаешь?»

Валя стала выстукивать печку, проверяя, нет ли в ней пустот. Пустот не оказалось.

— Видишь, что я тебе говорила? — посмеивалась Зина.

Валя ничего ей не ответила. Молча скинула шинель, закатала рукава гимнастерки и полезла руками в топку. Осторожно отгребла в сторонку холодные угли и золу, стала ощупывать пальцами под.

— Тут, — сказала она глуховатым голосом. — Тут они. Две противотанковые мины, большие, как тарелки, стояли на месте вынутых кирпичей. Валя извлекла мины из печи.

— Взрывателей-то нет, вот странно, — проговорила Зина Филимонова. Она уже не посмеивалась, сразу стала серьёзной.

— Взрывателей нет, — озадаченно сказала и Валя. Лицо её потемнело. — Да это ведь тоже хитрость! Видишь, отверстия открыты. Фашист как рассчитал? Придут наши солдаты, местные жители вернутся. А дом-то один! Все здесь и соберутся, затопят печку. Ну, искры попадут в мину, прямо через эти отверстия на детонаторы попадут. И всё взлетит на воздух, никто не уйдёт. Две противотанковые мины — это сила. . .

Они вышли из избы, и Валя написала на стене: «Проверено. Мин нет. В. К. 9.2.44». Потому что было это девятого февраля сорок четвёртого года.

ПРОВОЛОКА

Через несколько дней, когда команда работала в Лужском районе, Шарик снова отличился.

Валя осматривала большую колхозную конюшню. Немцы, видимо, давно уже угнали всех лошадей. На полу лишь бугрился старый слежавшийся навоз. Валя подумала, что минёру тут нечего делать. Всё же она пустила Шарика внутрь — на всякий случай. Она не могла написать «мин нет» без проверки.

Шарик шёл сперва безразлично, потом насторожился, начал принюхиваться и побежал к яслям у стенки. Встал лапами на край яслей, понюхал внутри и уселся мордой к хозяйке.

Только подойдя вплотную, девушка увидела тоненькую проволочку, тянувшуюся из яслей к полу и затем над самым полом поперёк всей конюшни. В полутёмном помещении проволочку очень трудно было заметить.

Валя заглянула в ясли. Присыпанные сверху трухлявым сеном, там лежали три большие мины, ждали, пока кто-нибудь зацепит за проволочку-оттяжку. Хорошо, что деревня была почти пуста. Население, ушедшее от немцев, только начинало возвращаться. Иначе любопытные мальчишки наверняка заглянули бы в конюшни...

Валя всё осмотрела, перерезала проволочку и отправилась докладывать командиру. Нашла его в избе неподалёку. Там было несколько деревенских женщин, только что пришедших из лесу. Они с удивлением смотрели на высокую, ладную девушку-солдата, на её собаку, которая, оказывается, сумела разгадать фашистскую хитрость.

— Ах ты, подумай, чудеса-то какие, — твердила одна из женщин. — И угостить мне вас нечем, родненькие вы мои.

Она достала из мешка тёмную картофельную лепёшку, неуверенно протянула её Шарику.

— Наша собака это любила.

Женщина вздохнула.

— Пристрелил нашего Фунтика фашист. А эта собака

может и не захочет такую лепёшку есть, не простая она, видать, учёная.

Шарик ломаться не стал, только вопросительно взглянул на Валю, прочёл в её глазах разрешение и взял лепёшку. Голода он не испытывал, но запах картофельной лепёшки был ему приятен, напоминал прежнюю деревенскую жизнь.

СЕНО

В Луге Вале с Шариком пришлось работать «при большом стечении публики». Так потом сказал Егор Степанович. Вообще присутствовать при работе минёров никому не полагается. Работа опасная, мало ли что может случиться! Но тут уж так вышло.

В городе только начинала налаживаться жизнь. На одном пустыре солдаты нашли штабеля прессованного сена, немцы не успели его вывезти.

Вокруг сена ходили фуражиры, те, кто обеспечивает коней кормом. Тронуть сено они не могли, пока его не осмотрели сапёры.

Фуражиры просили сапёров: «Проверьте сено поскорее». Петров сперва ворчал: «Есть поважнее дела». Потом всё же послал на пустырь Валю Корнееву.

Кипы сена, туго перетянутые проволокой, лежали в штабеле плотно, одна к другой, как кирпичи в стене. Валя с Шариком обошла штабель. Ничего подозрительного она не заметила. Шарик тоже вёл себя спокойно, равнодушно смотрел на штабель и ни разу не проявил намерения сесть.

— Нет тут мин, — проговорила Валя, но всё же решила ещё раз обойти подозрительное место. Теперь она двигалась уже не вплотную к штабелю, а поодаль, описывая большой круг. Шарика она взяла на поводок. Сделали с полсотни шагов, и вдруг Валя почувствовала, что собака тянет в сторону, туда, где на снегу лежит одна, кем-то, видимо, брошен-

ная кипа прессованного сена. Похоже, что эту кипу сняли со штабеля, но не успели увезти.

Валя спустила Шарика, и он побежал к кипе. Обнюхал её и уселся — хвостом к сену, носом к хозяйке — всё честь по чести, как на показательных занятиях.

— Назад, не подходить близко! — крикнула Валя фуражирам.

Сама она ещё сомневалась: для чего бы минировать одну кипу, брошенную в стороне, когда на виду большущий штабель — целое богатство? Уж мимо него наверняка не пройдут.

Но Шарик и на этот раз не обманул. Мина нашлась. Она стояла недалеко от кипы. Глубоко под снегом от мины тянулась едва заметная проволочка-оттяжка. Видно, у немецкого сапёра был какой-то свой расчёт. Большой штабель, мол, вызовет опасение, а отдельно брошенную кипу люди возьмут не задумываясь. И подорвутся.

Валя спокойно разрядила мину, убедилась, что других нет.

— Теперь грузите, — разрешила она.

Фуражиры бросились к сену, стали таскать его на сани и машины.

— Ну, сестрёнка, собака у тебя герой! С такой собачкой самого Гитлера можно достать из норы! — говорили они.

Валя молча слушала эти похвалы. Она позволила солдатам угостить Шарика сахаром, он заслужил. Потом потянула поводок и зашагала вместе с собакой. Их ждала другая работа.

АДСКАЯ МАШИНА

Будь Валя разговорчивее, она могла бы рассказать и немало забавного. Как-то в Усть-Нарве к минёрам пришёл младший лейтенант из соседней части.

Стояло лето, день был жаркий и солнечный. Девушки много поработали и, вернувшись с минных полей, собирались выкупаться в заливе. Его спокойное голубое зеркало лежало совсем близко. Оттуда тянуло освежающей прохладой. Но младший лейтенант просил, чтобы они срочно проверили землянку его начальника.

— В землянке мина! Я в этом уверен. Землянка же немецкая. Фашисты её заминировали, уходя, — твердил младший лейтенант.

— Почему вы так решили? — спрашивал Петров. У него и так не хватало людей, а тут начнут бегать отовсюду. . .

— Слышно, как тикает часовой механизм, — объяснил младший лейтенант.

— Сколько времени вы занимаете эту землянку?

— Две недели.

— Две недели тикает, а вы до сих пор молчали?

— Так, понимаете, не всегда слышно, только когда совсем тихо, по ночам больше. Мы сперва внимания не обращали, но тиканье всё продолжается.

Младший лейтенант нервничал и часто поглядывал на часы.

— Скорее, прошу вас. Начальник на передовую уехал. Надо осмотреть землянку, пока его нет.

Петров вздохнул и крикнул ординарцу:

— Рядовую Корнееву ко мне. И ефрейтора Карманова.

Через несколько минут Валя и Карманов шли уже вслед за младшим лейтенантом.

Землянка была недалеко. Минёры обошли её кругом. Осмотрели перекрытие, бревенчатый накат... Ничего подозрительного. Вошли внутрь. Всё там сделано основательно. Стены обшиты толстыми строгаными досками, удобная кровать, стол, стулья.

Валя и ефрейтор выстукали стены, выслушали стетоскопом — прибором вроде трубки, которой врач выслушивает больных. Ничего не услышали. Осмотрели пол, потолок, обшарили все углы. Никакого результата.

И Шарик ни к чему в землянке не проявлял интереса. Обнюхал и улёгся на полу. Он позёвывал, всем своим видом показывая, что ему скучно.

— Давай посидим, — сказала Валя. — Послушаем, что тут тикает у них.

Вернулся начальник, узнал, что в его землянке минёры, поворчал и устроился у соседей. Велел накормить Валю и Карманова ужином — час был уже поздний.

— Конфет и печенья отнесите им, — сказал он ещё ординарцу. — Надо девушку угостить, что ли.

Валя посасывала карамель. Изредка угощала Шарика. Карманов налёг на печенье. В солдатском пайке лакомств немного.

Время подходило уже к полуночи. Стало совсем тихо. Снаружи не доносилось никаких голосов. Умолкла и артиллерия. Карманов клевал носом и виновато поглядывал на Валю. Вдруг он увидел, что она встала и тихо, на цыпочках пошла в противоположный угол землянки.

— Чего там?

Валя приложила палец к губам:

— Т-с-с-с...

Она поманила Карманова жестом:

— Слушай...

Карманов подошёл к ней, прислонил ухо к стене и стал слушать. От напряжения даже вытянул шею. Да, в стене тикало — негромко и ритмично: тик-так, тик-так... Этот звук то исчезал, то слышался снова.

Ефрейтор обеспокоенно поглядел на Валю. А она вдруг выпрямилась, её лицо стало лукаво-весёлым. Постучала пальцем по стене и тиканье сразу смолкло. Потом началось снова. Так повторилось несколько раз. Стоило Вале постучать, как «адская машина» сразу переставала действовать.

— Сверчок же это! — проговорила девушка. — Самый обыкновенный, домашний. С ним ещё уютнее. Понял?

Она вышла из землянки и разыскала младшего лейтенанта.

— В общем, мы отправились, а в землянке можно спать спокойно. Сверчок вреда не причинит!

Младший лейтенант не стал их задерживать, только пробормотал что-то невнятное про домашние звуки, от которых все отвыкли на войне. Даже из памяти вылетело, что есть сверчки на свете...

12

ОХОТНИКИ ЗА МИНАМИ

К деревне Пнево вела нешироказя, разбитая машинами дорога. Приходилось ехать медленно, грузовик бросало на ухабах. Петров сидел в кабине, посматривал на карту. Она была разложена у него на коленях.

— Деревня скоро, — сказал он шофёру, — а переправа сразу за ней.

В кузове машины сидели минёры с собаками. Им надо было переправиться через пролив, соединяющий два огромных озера. Петров получил приказ срочно начать разминирование дорог на той стороне, в Эстонии. Но скоро ли они на ту сторону попадут?

Егор Степанович хорошо знал, что переправа — всегда неприятное и беспокойное место. Озёра, реки, заливы и проливы не зря зовутся на языке военных водными преградами. Преграды приходится преодолевать, а это никогда не бывает легко. Надо наводить мосты или плыть на лодках, понтонах, плотах. На это уходит много времени, а противник изо всех сил мешает переправе — обстреливает, бомбит. У водных преград обычно собирается много машин, боевой техники, людей.

И все спешат, всем хочется быстрее проскочить неприятное место.

Петров думал о том, что и на этой переправе, наверно, будет не легче, чем на других. Так оно и вышло.

Проехали деревню и сразу увидели впереди скопление машин. На дороге и вблизи неё стояли грузовики, тягачи с орудиями на прицепе, танки. Они были густо прикрыты ветками ольшаника и берёзы. С самолёта группа орудий казалась, наверно, настоящей рощицей.

— Попробуем объехать полем, — сказал Петров шофёру, — авось проскочим.

Машина сошла с дороги и, качаясь из стороны в сторону, двинулась по жнивью. За ней потянулись и остальные. Выехали на берег и повернули к переправе. И тут, на берегу, путь им преградил патруль.

— Стой! — закричал сержант с красной повязкой на рукаве. — Нет здесь проезда. — Он вскочил на подножку и уви-

дел в кабине офицера. — Поворачивайте назад, товарищ лейтенант. Без очереди никого не можем пропускать. Приказ!

Петров стал говорить, что прислан штабом фронта, просил вызвать коменданта переправы. Сержант твердил своё:

— Гоните машины назад, потом можете разыскать коменданта, товарищ лейтенант. Только комендант всё равно не пропустит. Он тоже подчиняется приказу. А тут не стойте, запрещено тут стоять машинам на берегу.

Егор Степанович понимал, что патрульный прав. Придётся разыскивать коменданта. К машинам тем временем собирались люди из тех, кто тоже ждал возле переправы. Минёры в машинах обсуждали происходящее.

Собаки, как всегда, почувствовали волнение людей. Они забеспокоились, начали подавать голоса. Их лай произвёл совершенно неожиданное действие.

— Гляди, собак везут! — заговорили солдаты. — Так это же охотники за минами!

— В чём дело? Почему собрались тут? — строго спросил подошедший майор — комендант переправы.

— Охотники за минами едут. Им вперёд надо. Они же дорогу нам расчищают, — объясняли бойцы, подошедшие к машинам.

Петров ничего и доложить не успел. Майор только посмотрел на него.

— Поезжайте. Пропустим!

— Значит, можно ехать?

— Давайте, да побыстрее!

Словно чудо какое-то произошло. Но чуда не было. Просто их уже знали на фронте. Охотники за минами! — так окрестила их солдатская молва.

Машины снова, качаясь на неровной земле, пошли вперёд, к понтону. Минёры оживлённо заговорили между собой.

— Слыхали, как нас величают? Охотники!

ОПАСНЫЕ КАМНИ

Как-то минёры с собаками работали на озере, в местах, где три года стояли вражеские войска. Командование считало, что побережье сильно заминировано. Противник, конечно, боялся десантов, высадки наших войск, и принимал против этого меры. Близ озера в самом деле обнаружили минные поля. Они начинались в нескольких десятках метров от воды. А самая кромка берега? На ней мин было не видно. Это озадачило командиров.

Проверить берег поручили ефрейтору Мизяеву — одному из самых опытных минёров в батальоне. Про него говорили, что он со своей собакой Максом идёт за минами, как за дичью.

— Не знаешь, кто из них лучше чует! — шутила Лиза Самойлович. — Редкостный у Мизяева нюх!

...На берегу громоздились камни, мелкие и крупные, обтёсанные, отшлифованные водой. Волны перекатывали их,

двигали с места на место. Только это и было тут — камни и галька.

Мизяев шёл, не спуская с них глаз. Он снова и снова говорил Максу:

— Ищи! Ищи!

Он знал, как трудно собаке работать, если то, что они ищут, долго не попадается. Собака устаёт от бесплодных поисков, её внимание ослабевает, она начинает отвлекаться.

Около груды камней замедлили шаг. Мизяеву, он ещё и сам не знал почему, груда камней показалась подозрительной. Он послал Макса.

— Ищи! Ищи!

Пёс подошёл к камням, понюхал. Наклонил морду ещё ниже, снова обнюхал несколько камней и возле одного остановился. Постоял, постоял и сел, повернувшись головой к хозяину. Значит, правда, почуял.

Мизяев поспешил к собаке, зорко оглядывая каждый ка-

мень, каждый сантиметр земли. Ничего, кроме камней, он не видел. «Где же тут может быть мина? — размышлял он. — Наверно, под камнями, придётся их снимать. — И сам остановил себя: — Погоди. Снимать так тоже нельзя. Могут быть оттяжки».

Он снова внимательно оглядел камни. Самая обыкновенная булыга. Такой раньше мостили улицы в городах, пока не стали заливать асфальтом.

Мизяев чуть тронул щупом булыжник, к которому так принюхивался Макс. Ему показалось, что камень какой-то мягкий, что щуп даже входит в него или камень проминается от лёгкого нажима. Но этого быть не могло! Ведь булыжник — это кусок гранита!

Мизяев ещё раз чуть-чуть кольнул щупом. И снова в руке возникло это ощущение — камень мягкий, он поддаётся нажиму металлического прутка.

Что-то было в этом странное. Мизяев встал на колени, вытащил нож. Осторожно провёл лезвием под камнем. Оттяжек, проволочек там не оказалось. Тихонько взял камень пальцами правой руки. И не поверил себе! Камень был поразительно лёгкий. «Как бумага, — подумал Мизяев, и тут его словно осенило: — Да это же и есть бумага, только толстая, папье-маше. Камень-то поддельный!»

«Ловко сделано, — подумал минёр. — И цвет тот же и форма. Выкрасили хорошо, но взрыватель всё-таки можно обнаружить. Вот он вставлен сбоку и замазан краской».

— Серьёзная штука, — пробормотал Мизяев и воткнул в землю красный флажок.

Посмотрел по сторонам и пошёл с Максом дальше. В тот день они нашли сорок таких мин. Мины были разные по виду. Округлые, словно валун, который вода веками тёрла о другие камни. Остроугольные, с резкими гранями, как обломки недавно расколовшихся гранитных глыб. Те, кто их готовил, наверно, очень старались, всё сделали, чтобы эти взрывные ловушки нельзя было распознать. Но Мизяев со своим Максом всё же распознал их.

— Хорошая у тебя была сегодня охота! — говорили потом Мизяеву товарищи.

— Ага, — соглашался он.

Несколько дней эти мины не трогали с места. Их не взрывали и не разряжали. К ним водили сапёров из всех частей, работавших вблизи. Пускай посмотрят, пусть узнают, какие тут есть неожиданные «подарки»-сюрпризы. Для минёров это было хорошей школой.

Мины-камни оказались очень опасными. Не только потому, что их трудно различить. Они были и крайне чувствительны, могли сработать при нажиме на любую их сторону, на любую точку. Только наступи, только толкни — взлетишь на воздух.

— Как, откуда вы узнали, что здесь мина? — такие вопросы часто задавали минёрам, особенно если за их работой наблюдали солдаты и офицеры других частей — стрелки, танкисты, артиллеристы.

Мизяев в таких случаях пожимал плечами и сконфуженно улыбался.

— Чего особенного? На то нас и учили!

СТАЛЬНОЙ ПОРОСЁНОК

На эстонской земле минёрам всё время приходилось спешить. Немцы отступали очень быстро. Пехота едва поспевала за бегущим противником. Она двигалась вперёд на машинах, на броне танков. Минёры шли вслед за танками и пехотой.

Дни стояли ясные и тёплые. Была та пора, которую называют бабьим летом. Уже скошены травы на лугах, сжаты в полях хлеба. По календарю — осень, но лето вдруг вернулось. В лесу пахнет грибами и ягодами. Хорошо в лесу.

— Эх, девчонки, — мечтательно говорила подругам Лиза Самойлович, — сейчас бы по грибы. В этих борах, наверно, белых и красных грибов полно. До чего же я собирать их люблю.

— Леса грибные, — соглашалась Рита Меньшагина, — только нам бы с другими «грибочками» управиться, с минами и снарядами. По грибы, видно, пойдём, когда кончится война.

Всё кругом выглядело мирным и тихим. Среди полей стояли нетронутые хутора, на лугах паслись коровы. Враг отступал так быстро, что многое не успел разрушить. Всё же минёры знали, как обманчива эта мирная тишина. Находили мины на дорогах и под снопами ржи, в колодцах и шахтах, в домах.

В посёлке, где накануне был бой, девушки обнаружили бомбу.

Она лежала, неглубоко зарывшись в землю. Обыкновенная бомба, толстая, округлая, не очень большая, всего килограммов сто.

— Ишь какой поросёнок, — досадливо сказала Зина Филимонова, осмотрев её. Бомба, и правда, чем-то напоминала свинью.

Справиться с ней минёры могли, конечно, без особых затруднений — не в первый раз. Но бомба лежала всего в нескольких шагах от дома. Дом был аккуратный и крепкий, с наличниками, выкрашенными свежей голубой краской. На окнах висели занавески, на подоконниках стояли цветы.

«Хорошо у них», — подумала Зина. Она поднялась на крыльцо. Надо было предупредить хозяев.

Открыл пожилой человек с трубкой в зубах. Из-за его спины выглядывали женщина и двое детей. Зина принялась объяснять, что бомба, которая лежит возле дома, очень опасна и её ни в коем случае нельзя трогать. Упала с самолёта и не взорвалась, но это ничего не значит. Именно теперь, после того как она была сброшена и ударилась о землю, её взрывной механизм способен сработать от пустякового толчка. Может, его сдерживает всего какая-то песчинка или заусеница на металле.

Хозяин слушал спокойно и попыхивал трубкой. То ли он плохо понимал, то ли вообще был таким уж невозмутимым.

— Значит, не трогать и близко не подходить, — повторила Зина и особенно выразительно посмотрела на детей. — Иначе от всех будет мокрое место!

Впрочем, последних слов хозяева-эстонцы могли и не понять.

— Убьёт всех насмерть, — добавила Зина.

Хозяин был всё так же невозмутим. Покуривал и кивал головой. Он заволновался, только когда Зина вернулась с лейтенантом Петровым. Егор Степанович несколько раз обошёл бомбу. Лицо его стало сумрачным.

— Делать нечего, — вздохнул он наконец, — придётся подрывать, хотя дом пострадает. Бомбу двигать нельзя, а дом тоже не сдвинешь.

Хозяину Егор Степанович сказал:

— Постараемся, чтобы убытка было поменьше, примем все меры. А вы снимите двери и окна, вынесите вещи, уведите со двора скотину и кур. И сами уходите. Завтра утром будем подрывать. Успеете всё сделать к завтрашнему утру?

Хозяин перестал курить, лицо его сделалось испуганным. Жена заплакала и, глядя на неё, стали плакать дети. Хозяин заговорил быстро, от волнения путая русские и эстонские слова. Он бедный крестьянин, у него семья, офицер же видит. Куда они денутся? Теперь уж и до зимы недолго.

— Сделаем всё, что можем, но взрывать надо, — снова объяснил Петров. — Дом всё же не голова, а сколько людей головы складывают каждый день? Почините дом.

На сердце у него тоже было тяжело, но что он мог сделать.

— Значит, к завтрашнему утру, — повторил он и пошёл прочь. Через час надо было поспеть в штаб на совещание офицерского состава, а до штаба предстояло порядочно отшагать.

Егор Степанович вернулся к домику на следующий день, сразу после завтрака. Было ещё рано, минёры не хотели терять светлое время. Подорвать стокилограммовую бомбу — не хитрое дело, с этим вполне справился бы и командир отделения. Но Егора Степановича растревожил вчерашний разговор с крестьянином. Хотелось ещё раз посмотреть самому, всё сделать, чтобы взрыв принёс меньше вреда. «Надо обваливать бомбу, насыпать со стороны дома побольше земли, по возможности направить взрыв в другую сторо-

ну, — думал Петров. — Но, конечно, совсем дом не убережёшь».

Размышляя об этом, он подошёл к домику вместе с отделением бойцов и не поверил своим глазам. Всё выглядело здесь, как вчера. По двору гуляла курица с цыплятами, в окнах поблёскивали стёкла, одно окно было раскрыто настежь, и сквозь него Петров увидел хозяйку, неторопливо носившую по комнате какие-то вещи. Судя по её движениям, она их не собирала, а скорее расставляла. В палисаднике играли дети. Петров рассердился.

— Вы что, шутки с нами шутить вздумали? — накинулся он на хозяина. — У нас и так времени в обрез!

Егор Степанович резко повернулся и посмотрел в сторону, где вчера лежала бомба. Бомбы не было. Не было и поставленного Зиной флажка. Петров быстро шагнул туда, посмотрел внимательно. Что за наваждение! Бомба исчезла!

— Да вы в своём уме? — разозлился он уже не на шут-

— Кто вам разрешил трогать бомбу, куда её дели?

— Я не трогал, — заговорил хозяин, — я ничего не знаю. Вечером собирали вещи, утром встали рано: бомбы нет. Я не знаю.

— Немедленно покажите, где бомба. Нашли с чем шутить!

— Разрешите сказать, товарищ лейтенант, — раздался вдруг голос Зины Филимоновой, — он правда ни при чём... Это мы... Мы бомбу убрали.

— Да ты что, ума лишилась?

— Это мы, — повторила Зина, и голос её дрогнул. — Спрашивайте с нас. Очень жалко стало людей. Столько горя везде, такое разорение, а тут мы своими руками их без дома оставим. Унесли мы бомбу.

— То есть как унесли?

— Ночью, когда все спали. Взяли санитарные носилки, положили на них того поросёнка и осторожненько унесли. Мы ведь привычные, знаем, как надо. Она недалеко тут, в овражке. Хорошее место, там спокойно и подорвём. Вы поглядите сами.

Зина показала рукой, куда отнесли бомбу. Девушки стояли потупившись, готовые принять бурю, которая должна сейчас разразиться.

— Ну, знаете... — только и выговорил Егор Степанович.

Он посмотрел на эстонца, стоявшего перед ним со своей трубкой, на ребят, копошившихся в палисадничке, на курицу с цыплятами...

— Ладно, — сказал он. — Пошли посмотрим, где ваша бомба. Надо скорее кончать с ней!

13

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ВЕТЕРАН

Перед комбатом лежал лист бумаги, вверху которого стояла надпись: «Акт на списание». Лицо комбата было хмурым. Он читал: «Порода: немецкая овчарка. Кличка: Инга. Заболевание: потеря зрения. . .»

— Так, так, — проговорил комбат. — Совсем ослепла? По какой причине?

— Почти ничего не видит, — доложил ветеринарный врач, — и помочь мы не можем. Скоро ослепнет совершенно. Слишком поздно привели к нам.

— А вы сами не осматривали её, не наблюдали за животным?

— Она сюда очень редко попадала. Всё на разминировании была, в поле. Вожатый не жаловался на неё.

— Карточку собаки вы захватили? — спросил комбат. — Дайте сюда.

Он пробежал карточку глазами.

— Вот оно что! Была ранена в сорок третьем году. . . В голову, ранение серьёзное. Наверно, зрительный нерв повреждён? Вы обратили внимание?

— Зрительный нерв — это хуже всего, — отозвался врач. — Лечи не лечи, конец один. Зрительный нерв и человеку не починишь.

— Конец один, не починишь, — медленно повторил комбат.

Он отложил ручку, которую уже взял, чтобы подписать акт.

— Значит, Инга. . .

Собак в батальоне было много. Всех помнить по кличке подполковник не мог. Но Ингу он вспомнил. Большая светлосерая овчарка. Ну да, это её пускали искать взрывчатку на высоте у Дудергофа, когда Мизяев там склад снарядов открыл. Она отличилась и в истории с «мыльницами». Совсем недавно.

Было это на Карельском перешейке. Туда уже начало приезжать мирное население, но в посёлках и на полях происходили тяжёлые несчастья, люди подрывались на минах. Минёры работали на перешейке несколько раз. Они вытаскивали взрывчатку из дымоходов печей, находили хитрые ловушки в сараях, в колодцах, амбарах. . . Даже в старом почтовом ящике обнаружили мину.

Всё проверить и очистить до зимы не успели. Землю укрыло снегом, сковало морозом. Пришлось ждать весны.

В июне минёры попали в места, которые война обошла стороной. Боёв там не было. На полях, огородах, в садах минёры ничего не находили. Лишь кое-где валялись цинковые ящики с патронами, ручные гранаты... Их убирали, работа шла быстро, настроение у солдат было хорошее.

— Вот скоро разделаемся, а там, глядишь, начнут и по домам отпускать, — говорили они.

С такими мыслями вожатый Инги подошёл к небольшому домику, стоявшему отдельно от других в густом саду. Сильные кусты сирени перекидывали через забор свои ветви с тяжёлыми гроздьями фиолетовых и белых цветов.

Солдат постучал в дверь, ему отворила женщина, жена агронома. «Нет, — сказала она, — ничего подозрительного мы с мужем на своём участке не находили, живём в этом домике уже несколько месяцев и всё благополучно».

— А вы что, пограничник? — спросила женщина солдата.

Он отрицательно мотнул головой.

— Тогда почему с собакой? Это же пограничники с собаками ходят.

Солдат стал объяснять, что не одни пограничники, минёры тоже.

— Неужели она находит мины? — Женщина с удивлением смотрела на Ингу.— А как она делает это? Жалко, детей моих нет, они ещё в Ленинграде, завтра за ними поеду, им бы поглядеть на такую собаку.

Женщина соскучилась по людям в этом ещё пустынном в ту пору краю, ей не хотелось отпускать нежданных гостей.

— Можно, я угощу вашу собаку косточкой?

Солдат кивнул.

— До чего у вас сирень красиво цветёт, — заметил он.

— Правда, хорошо? — обрадовалась женщина. — Подождите, я вам нарву сирени. И она стала ломать тяжёлые грозди. Потом подала букет солдату и пошла в дом за косточкой для собаки. — А где же ваша красавица? — спросила она, вернувшись.

Инги возле домика не было. Солдат несколько раз позвал её, собака не приходила. «Вот неслух!» Он крикнул громче, но Инга не шла, только из глубины сада послышалось нетерпеливое тявканье.

— Чего она там застряла? — пробормотал солдат. Ему было неловко, что собака самовольничает и не слушается его.

— Вот она где, — сказала женщина, показывая вперёд.

Инга сидела у смородинового куста. Она вытянула морду к хозяину, но не встала с места.

— Чего ты устроилась тут! — грубовато прикрикнул солдат. — Ко мне!

Собака чуть привстала, потом села снова. Она поворачивала голову то к хозяину, то к кусту, волновалась.

Солдат подошёл. Он уже почувствовал, что Инга сидит у куста неспроста. Осторожно приподнял ветки, свисавшие до самой земли, и увидел рыжий кусок картона, каким обивали стены в финских домах. Картон был набухший от влаги, видимо, лежал тут давно.

Солдат насторожился. Он сделал отстраняющий жест рукой, предлагая женщине отойти. Внимательно оглядел весь куст, проверяя, нет ли оттяжек, затем осторожно приподнял картон. И увидел две яркие пластмассовые коробочки. Очень похожие на мыльницы. Но солдат знал, что в таких «мыльницах» лежит тол.

Он снова махнул женщине рукой.

— Идите в дом!

Осторожно поднял одну «мыльницу», потом вторую. Так и есть. Взрыватели вставлены, они на боевом взводе.

— Недурные гостинцы, — проговорил солдат.

Он вернулся в дом, лишь обойдя с собакой весь сад. Встревоженная женщина стояла на крыльце. Солдат показал ей свои находки.

Не видали ещё где таких «мыльниц»? Их только возьми или прижми ногой. На тот свет — прямая дорога.

— Вот, подумать только, — растерянно проговорила женщина. Её голос дрожал. — Завтра же мои ребята приезжают. Они бы сразу эти коробочки нашли. Ребята всё видят!

— Скажите Инге спасибо, — отозвался солдат. — А ребят предупредите.

СОВСЕМ МИРНАЯ ЖИЗНЬ

Вот это и вспомнил комбат, держа перед собой «Акт на списание».

— Значит, лечить нельзя? — переспросил он.

— Бесполезно, — ответил врач. — Никаких шансов на успех.

— Значит, списать... — Подполковник снова взял акт. — А как вы предлагаете поступить со списанным животным?

— Ни к какой службе она непригодна. Придётся уничтожить.

Комбат быстро поднялся. В общем-то, он был спокойным человеком, мало кто в части видел его вышедшим из себя.

— И это говорите вы, врач? — комбат швырнул акт на стол. — Собака всю войну проработала с нами, была ранена, потом работала снова. Она нашла пять тысяч мин. Посчитайте, сколько спасла человеческих жизней? А вам всё нипочём! Уничтожить...

Он в волнении прошёлся по комнате и встал перед ветврачом.

— Говорят, в некоторых армиях отличившимся собакам дают сержантские звания и даже боевые медали. А ведь нигде собаки не делают такой работы, как у нас. Им бы памятник поставить, хороший памятник где-нибудь на бывших минных полях.

Ветврач молчал.

— Так вот, — объявил комбат. — Акт я утверждаю. Раз собака непригодна к службе, нечего делать. Спишем её, исключим из списков. Но в части Ингу оставим. Держать её под особым наблюдением. Сколько придётся, хоть пять, хоть десять лет. Она заслужила. И кормить, обслуживать её, как всех строевых собак! Понятно?

— А если ревизия, приедут нас проверять? — неуверенно спросил врач.

— Моё приказание, с меня пускай и взыскивают!

Так и кончился разговор. Потом в часть не раз приезжали ревизоры, но начётов не делали, всё обошлось.

А Инга жила ещё долго. Для её глаз мир, который она помнила таким ярким, полным сияющего света, состоял теперь из сплошной серой мглы. Лишь изредка возникали в этой мгле неясные белёсые пятна света.

Но то, чего не видели глаза, улавливало удивительное обоняние. И слышали чуткие уши. Поэтому она и двигалась уверенно, безошибочно находила дорогу. Поэтому со стороны её невозможно было принять за слепую.

Она очень скучала по своему вожатому, по работе. Никто теперь не посылал её на поиски, никто не хвалил за находки и не угощал прядками сушёного мяса. Ей вполне хватало еды, но она тосковала по этим прядкам мяса, как по ласке хозяина.

Когда других собак собирали на работу, Инга старалась

пойти с ними вместе, лезла даже на машины, куда их грузили. Однажды она сумела забиться в узенькое пространство под кузовом, предназначенное для запасного колеса. Солдаты только случайно нашли её там.

Увозили собак, стихал их лай, смолкали разговоры людей... Инга лежала около ворот, уткнув морду в землю, и ждала. Даже бачок с едой не привлекал её в такое время. Ветеринар говорил, глядя на неё:

— Ну, пожалели, а что толку? Всё равно помирает от тоски, а людям от неё одно беспокойство.

Но Инга нашла себе занятие. Одна из собак принесла пятерых щенков. Месяц кормила их, на работу её не брали. А через месяц инструктор сказал:

— Пора и честь знать, кончился твой отпуск.

Собаку отправили в поле, щенки остались одни. Круглые,

как шарики, они катались по расположению части, копались на помойке, попадали под ноги солдатам. Плохо бы им пришлось, но заботу о щенках взяла на себя Инга. Она стала их нянькой. Вылизывала, учила, настигала их, когда они озорничали, осторожно, мордой подталкивала на место, а то и трепала за непослушание. Если щенки подбирались к коновязи, где стояли обозные лошади, Инга отгоняла их строгим рычанием.

Так щенки росли под её присмотром, затем появились другие. Инга стала нянчить их тоже. Движения её сделались увереннее и быстрее, она весело подходила к бачку в час кормёжки, словно понимала, что снова ест свою болтушку не зря.

Как-то в питомник приехала Рита Меньшагина. Она не была здесь давно, работала далеко на минных полях. Ингу с щенками Рита увидела в углу двора. Собака лежала на траве, а щенки копошились вокруг. Вид у них был довольный и весёлый.

— Вот ты как живёшь теперь, — сказала Рита и погладила собаку. — Совсем у тебя мирная, спокойная жизнь!

ВОЙНА ДАВНО ОКОНЧИЛАСЬ

Эпилог

В войну минёры были рядом месяцами, годами. Вместе шли через минные поля, ели кашу из одного котелка, спали в одной землянке на общих нарах. А мирная жизнь развела по разным дорогам.

Вера Александрова была сержантом. Теперь строитель, инженер. Что занимает её мысли?

Минёры крепко запомнили Петродворец. Им пришлось работать там после войны. Где только не находили мины! В развалинах дворца, на дорожках парков, под корнями кустов. Даже опытные специалисты не сразу могли разобраться: «Как поставили мины под кусты, в самое переплетение корней?» Оказывается, мины ставились не под кустами, а на ровном месте. Кусты выросли потом, через годы.

Ставились мины и глубоко под землёй, в старинных трубах, по которым раньше шла вода из прудов к фонтанам. Приходилось ползти по сгнившим деревянным трубам в грязи и тине, чтобы добраться до зарядов, предотвратить страшные взрывы.

Теперь инженера Александрову интересует в Петродвор-

це совсем другое. Там поднимается новый Ленинградский университет. В нём будет множество аудиторий, институтов, лабораторий...

Маргарита Меньшагина теперь по специальности экономист. Елизавета Александровна Самойлович — парикмахер.

Нина Бутыркина работает, как до войны, на заводе. Она — старший мастер большого цеха. Разыскать там Бутыркину трудно. Цех занимает два этажа, а старший мастер не любит сидеть в конторке. Спросишь о ней рабочих, говорят: «Минуту назад здесь была, убежала. Ей ведь к каждому станку надо поспеть». Так и носится из пролёта в пролёт, из этажа в этаж, неугомонная...

Не все и знают, что Бутыркина ходит на протезе, что у неё нет ступни — потеряла на минном поле.

У каждого своя судьба, свои дела. Но приходит такой день, когда однополчане снова собираются вместе. В День Победы, девятого мая, приезжают даже те, кто живёт далеко от Ленинграда.

...Воспоминаниям нет конца.

Для минёров война окончилась не сразу. Фашистские армии сложили оружие. Замолкли пушки. Перестали сыпаться с неба бомбы. Но в земле, по которой прокатилась война, на тысячах квадратных километров оставались мины, снаряды, гранаты. И каждая несла смерть. Каждую должны были найти и победить минёры.

И теперь, много лет спустя, нет-нет и услышишь о смертельно опасной находке. Так, недалеко от Петрокрепости, в русле Невы, была обнаружена баржа, затонувшая, должно быть, осенью 1941 года, через несколько месяцев после начала войны. Она была нагружена доверху снарядами. Везла снаряды на фронт, а тут напали фашистские самолёты. От бомб и зажигательных пуль начались пожары — сразу в нескольких местах. Борта были разбиты, вода хлынула внутрь. Потому баржа и пошла на дно. А может, команда сама её затопила — иначе было не потушить огня. Тысячи снарядов могли взорваться разом.

Как было подступиться к такой находке? Пришлось Петрову надеть тяжёлый скафандр и лезть в воду.

Всё там оказалось хуже, чем даже предполагали. Чуть ли не десять лет баржа лежала на дне реки. Быстрое течение нанесло к ней горы песка. Стали расти мели. Они мешали судоходству.

Все понимали — оставлять тут баржу нельзя. А что с ней делать? Проще всего подорвать всё сразу. Но в том-то и беда, что это не избавляло от опасности. Часть снарядов взрыв, конечно, уничтожил бы, но другие могло разбросать по дну реки. Потом подрывай каждый в отдельности, да ещё найди его сперва. На это ушли бы многие месяцы, а то и годы.

— А если поднимать снаряды на суда и вывозить в безопасное место? — рассуждали минёры. — И это не годится. Снаряды повреждены, могут взорваться от любого толчка. Течение в Неве сильное, суда трудно удержать на месте. Всё может случиться. . .

И так плохо, и так. А всё же и на этот раз выход нашли. Дождались зимы, благо до неё оставалось уже не долго. Нева замёрзла. Тогда над потонувшей баржей сделали прорубь. Водолазы спустились на дно. Осторожно подняли ящики со снарядами. Наверху ящики принимали, укладывали каждый на санки и везли к берегу по ледяной дороге.

Опять загремели взрывы в местах, где за семь лет до того шли жестокие бои, где наши войска в сорок третьем прорывали блокаду. 1750 ящиков со снарядами вытащили со дна Невы и подорвали на берегу. Так и решили, казалось, неразрешимую задачу.

... Не затихает разговор однополчан.

— А помнишь тяжёлый снаряд под стеной цеха на «Большевике»?

— А бутылки со взрывчатым студнем на дне прудов в Пушкине?

— А тот снаряд в перекрытии жилого многоэтажного дома?

— А помните Жука, Ингу, Дика? . .

Маргарита Борисовна молча смотрит на старых товарищей, подруг и вдруг улыбается, вспоминая что-то ещё.

— На минных полях волнений хватало, — говорит она. — Но, верите или нет, больше всего я боялась, когда вручали нам

первые боевые награды. Вызвали меня к столу. Генерал говорит: «От имени и по поручению Военного Совета фронта вручаю вам за мужество и доблесть в боях с фашистскими захватчиками орден Красной Звезды!» Говорит он громко, торжественно, а у меня сердце стучит так, что, кажется, всем в комнате слышно. Еле и выговорила тогда пересохшими губами: «Служу Советскому Союзу». А уж как отошла от столика, как вернулась на место, даже не помню!

...Долго сидят однополчане за праздничным столом. Вспоминают товарищей, оставшихся на полях войны, тех, кто погиб под Ленинградом и Нарвой, под Новгородом и Псковом. Много их там осталось.

Погибла Валя Корнеева, которую все звали Тихой, нет Вани Ногаева. Но сегодня они тоже, хоть и незримо, присутствуют за столом, они живы в памяти друзей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Пётр Алексеевич Заводчиков,
Семён Самойлович Самойлов

Взрыва не будет

Ответственный редактор И. Г. Одоевцева.
Художественный редактор А. Д. Рейпольский.
Технический редактор Т. С. Филиппова.
Корректоры Л. К. Малявко и К. Д. Немковская.

Подписано к набору 14/VI 1971 г. Подписано к печати 16/VIII 1971 г. Формат 70 × 92$^{1}/_{16}$. Бум. № 2. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 6,55. Тираж 100 000 экз. ТП 1971 № 244. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Заказ № 98. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Цена 38 коп.

Бланк абонемента и доставочной карточки заполняется подписчиком.

Графы абонемента и доставочной карточки должны заполняться точно, разборчиво, без сокращений.

1977 г. Обл. тип., г. Кострома, зак. 359, тир. 114.600.000

Доставочная карточка

Индекс издания

«СОЮЗПЕЧАТЬ»

На газету / журнал ________________________________

____

____

Количество комплектов:

Стоимость подписки:

______руб.______коп.

Мес. / Годы	янв.	фев.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	окт.	нояб.	дек.
19___ г.												
19___ г.												

Адрес: ________________________________

____

Кому ________________________________
(фамилия и инициалы подписчика)

38 коп.

12+

